

ГЛОБАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ

12.1

3 выпуска в год на многих языках

Социология говорит с
Джилл Блэкмор

Джоанна Грубнер

Новые рабочие
движения

Дарио Аселини
Сара Раймундо
Хироаки Ричард Ватанабе
Верна Динах Виаджар

Разнообразие
гендерных режимов

Сильвия Уолби, Карен Шайр,
Мике Верлоо, Хайди Готтфрид,
Валентайн М. Могадам,
Ече Коджабычак, Альба Алонсо,
Росселла Чичия, Эмануэла Ломбардо
Роберта Геррина, Хезер МакРэ
Анник Масселот

Теоретические
подходы

Рейвин Коннелл

Памяти
Моны Абазы

Майкл Буравой
Винита Синха
Брайан Тернер
Суад Джозеф
Пол Амар
Сеид Фарид Алатас
Сами Зубайда

Социология
Индии

Сужата Пател
Ракеш М. Кришан
Снеха Гоул
Соибам Хариприя
Ширин Мирза

Открытый раздел

- > Локальная и глобальная идентификация фемицида
- > Расизм и анти-энвайронментализм в политике США

ЖУРНАЛ

International
Sociological
Association
isa

ТОМ 12 / ВЫПУСК 1 / АПРЕЛЬ 2022
<https://globaldialogue.isa-sociology.org/>

ГД

> От редакции

Университеты и мир науки переживают существенные изменения в результате маркетизации или квазимаркетизации, которые проводятся при неолиберальном управлении. В этом номере *Глобального Диалога* в рубрике «Социология говорит» мы обращаемся именно к этой тематике. Джилл Блэкмор изучала глубокое реструктурирование австралийских университетов в течение последних десятилетий. В ходе беседы она обсуждает эти перестройки, их движущие силы и эффекты в сфере производства научного знания и эпистемической справедливости.

Первый симпозиум представляет некоторые сегменты глобального взаимодействия исследователей в сфере изучения различных направлений рабочего движения. Дарио Аселини исследует воздействие пандемии на рабочие движения в мировом масштабе и при этом обращает внимание на гендерное и расовое измерения. Сара Раймундо обсуждает последствия колониализма на Филиппинах и его продолжающееся влияние на борьбу профсоюзов. Хироаки Ричард Ватанабе показывает как дерегуляция и либерализация японской экономики повлияла на жизнь рабочих и работу профсоюзных организаций. Верна Динах Виаджар описывает профсоюзное движение в Индонезии и его роль в свержении режима.

С одной стороны, необходимо признать, что трансформация капитализма, продолжающаяся в течение более пяти десятилетий, повлияла на гендерные режимы во многих обществах. С другой стороны, глубокие изменения в гендерных отношениях, образе жизни и социальном государстве проблематизировали сложившееся разделение труда, практики заботы, нормы и ценности в различных сферах социальной жизни. Сильвия Уолби и Карен Шайр, эксперты по отношениям между кризисом,

капитализмом и гендером, собрали симпозиум, посвященный разнообразию гендерных режимов. В этом разделе описывается картография различий и сходства в гендерных отношениях, укладах и режимах разных стран и выявляются глобальные тенденции нашего времени. Авторы показывают, как разнообразные формы капитализма и социального государства способствуют различным способам реорганизации гендерных режимов.

Раздел «Теоретические подходы» продолжает обсуждение гендера и общества, но в другой перспективе. Рейвин Коннелл, наиболее известная представительница мужских исследований, анализирует это направление и результаты концептуализации маскулинности в современных условиях.

С глубокой скорбью мы узнали об уходе от жизни Моны Абазы 5 июля 2021 года. В этом номере коллеги и друзья из разных стран отдадут долг памяти этой выдающейся исследовательнице.

В этом выпуске мы обсуждаем современные тренды индийской социологии. Статьи этого раздела собирала Сужата Пател, известный социальный теоретик и социолог. В рубрику включены статьи как молодых, так и более известных социологов, которые рассуждают о таких важных проблемах, как социологическая полевая работа, насилие, неравенство и дискриминация.

В рубрике «Открытый раздел» мы начали сотрудничество с МСА журналом *Current Sociology*. Иан Карилло, который изучает расизм и анти-энвайронментализм в США, и Мирна Доусон, изучающая фемцид, приняли приглашение поделиться результатами своей научной работы с аудиторией ГД. ■

Бригитте Ауленбахер и Клаус Дерре,
редакторы *Глобального Диалога*

> «Глобальный диалог» на многих языках доступен своем [вебсайте](#).

> Статьи для публикации присылайте на адрес: globaldialogue.isa@gmail.com.

isa International
Sociological
Association

**GLOBAL
DIALOGUE**

> Редакторский совет

Редакторы: Бригитте Ауленбахер, Клаус Дёрре.

Заместители редакторов: Рафаэль Деиндль, Йоханна Грубнер, Валид Ибрахим.

Младший редактор: Апарна Сундар.

Исполнительные редакторы: Лола Бусуттил, Август Бага.

Консультант: Майкл Буравой.

Медиаконсультант: Хуан Лехаррага.

Редакторы-консультанты:

Сари Ханафи, Джеффри Плейерс, Филомин Гутьеррес, Элоиза Мартин, Савако Ширахасэ, Изабела Барлинска, Тоба Бенски, Чи-Чжоу Джей Чэнь, Ян Фритц, Коичи Хасэгава, Хироши Ишида, Грэйс Кхуноу, Эллисон Локонто, Сьюзен МакДэниел, Элина Оинас, Лаура Озо Казас, Бандана Пуркаяста, Рода Редок, Мунир Сайдани, Айше Сактанбер, Сели Скалон, Назанин Шахрокни.

Региональные редакторы

Арабский мир: (Тунис) Мунир Сайдани, Фатима Разуани, Хабиб Хадж Салем; (Ливан) Сари Ханафи.

Аргентина: Магдалена Лемус, Хуан Парсио, Данте Маркиссио.

Бангладеш: Хабибул Хондкер, Хайруль Чаудури, Фатема Резина Икбаль, Хеляль Мохиддин, Мумита Танджила, Бижой Кришна Баник, Сабина Шармин, Абдур Рашид, М. Омар Фарук, Мохаммед Джахируль Ислам, Саркер Сохель Рана, Мд. Сахихдур Ислам, А.Б.М. Наждмус Сакиб, Эашрат Джахан Ейемун, Хеляль Уддин, Масудур Рахман, Шамсул Арефин, Ясмин Султана, Сика Парвин, Рума Парвин, Салех Аль Мамун, Экрамоль Кабир Рана, Шармин Актер Шапла, Мд. Шахин Актар.

Бразилия: Густаво Танигути, Анжело Мартинс Жуниор, Андреса Гальи, Дмитри Сербонсини Фернандес, Густаво Диас, Жозе Жирадо Нето, Жессика Мазини Мендес.

Индия: Рашми Джайн, Маниш Ядав, Ракеш Рана.

Индонезия: Хари Нугрохо, Лусия Ратих Кусумадеви, Фина Итрияти, Индера Ратна Иравати Паттинасарани, Бенедиктус Хари Джулаван, Мохаммад Шохибуддин, Домингус Эльсид Ли, Антониус Арио Сето Харджана, Диана Тереза Пакаси, Нуруль Аини, Гегер Риянто, Адитья прадана Седиати.

Иран: Рейянех Джавади, Нияеш Долати, Сайед Мухаммад Муталлеби, Эльхам Шуштаризаде.

Казахстан: Айгуль Забирова, Баян Смагамбет, Адиль Родионов, Алмаш Тлеспеева, Куаныш Тель, Алмагуль Мусина, Акнур Иманкул, Мадьяр Альдыяров.

Россия: Елена Здравомыслова, Дарья Холодова.

Румыния: Ралука Попеску, Раиса-Габриэла Замфиреску, Ирина Елена Ион, Бьянка Михайле, Алина Александра Ницойу, Руксанджра Падурану, Ана-Мария Ренцеа, Мария Власчану.

Тайвань: Вань-Цзюй Ли, Тао-Юн Люй, Ю-Вен Ляо, Цун-Дзен Хун, По-Шун Хон, Йи-Шуо Хуан, Юн-Йен Шен, Чие-Иин Шиен, Ю-Чиа Чен.

Турция: Гюль Чорбаджоглу, Ирмак Эврен.

Франция/Испания: Лола Бусуттил.

В этом интервью **Джил Блэкмор** обсуждает глубокую перестройку австралийских университетов в последние десятилетия, движущие силы этого процесса и их последствия для производства научного знания и эпистемической справедливости.

Этот симпозиум посвящен **рабочему движению** в разных уголках мира. Исследователи анализируют как глобальные эффекты, так и конкретные профсоюзные коллективные действия в Японии, Индонезии и на Филиппинах.

Статьи этого раздела посвящены **разнообразию гендерных режимов**. В них обсуждаются новые концептуализации гендерных отношений на макроуровне, помогающие осмыслить глобальные тренды.

«Глобальный диалог» стал возможен благодаря щедрому гранту **SAGE Publications**.

> В этом номере

От редакции 2

> СОЦИОЛОГИЯ ГОВОРИТ

Предпринимательские университеты и эпистемическая несправедливость:
Интервью с Джилл Блэкмор 5
Джоанна Грубнер, Австрия

> НОВЫЕ РАБОЧИЕ ДВИЖЕНИЯ

Пандемия COVID-19 и классовая борьба 8
Дарио Аселини, Мексика
Активизм рабочих на Филиппинах 10
Сара Раймундо, Филиппины
Профсоюзы и дерегуляция рынка труда в Японии 12
Хироаки Ричард Ватанабе, Япония
Сопrotивление индонезийских рабочих режиму Сухарто 14
Верна Динах Виаджар, Филиппины

> РАЗНООБРАЗИЕ ГЕНДЕРНЫХ РЕЖИМОВ

Будущее гендерных режимов 16
Сильвия Уолби, ВБ и Карен Шайр, Германия
Появляются ли новые типы гендерных режимов? 18
Сильвия Уолби, ВБ
«Забота – это ответственность семьи»: консервативные гендерные режимы 20
Карен Шайр, Германия
Наблюдается ли трансформация гендерных режимов в Европе? 22
Мике Верлоо, Нидерланды
Публичные гендерные режимы: конвергенция в разнообразии 24
Хейди Готтфрид, США, и Карен Шайр, Германия
Гендерные режимы, политическое устройство и мировая система 26
Валентин М. Могадам, США
Детерминанты турецкого патриархатного государства 28
Эдже Коджабычак, ВБ

Существует ли южно-европейский гендерный режим? 30
Алба Алонсо, Испания; Роселла Чичия, ВБ и Эмануэла Ломбардо, Испания

Кризис зашел слишком далеко? Постковидный гендерный режим ЕС 32

Роберта Геррина, ВБ; Хезер МакРе, Канада и Анник Масселот, Новая Зеландия

> ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Игра с огнем: социология маскулинностей 34
Рейвин Коннелл, Австралия

> IN MEMORIAM

Памяти Моны Абазы (1959-2021) 37
Майкл Буравой, Винита Синха, Брайан Тернер, Суад Джозеф, Пол Амар, Сеид Фарид Алатас и Сами Зубайда

> СОЦИОЛОГИЯ ИНДИИ

Новые направления индийской социологии 40
Сужата Пател, Швеция
Деконструкция племенных географий в центральной Индии 42
Ракеш М. Кришан, Индия
Феминистские интерсекциональности: новые подходы 44
Снеха Гоул, Индия
Сложные поля: создавая социологию в местах насилия 46
Соибам Хариприя, Индия
Стигма и кастовый труд в городской Индии 48
Ширин Мирза, Индия

> ОТКРЫТЫЙ РАЗДЕЛ

Как нехватка данных мешает идентифицировать и предотвращать фемциды 50
Мирна Доусон, Канада
Расизм и анти-энвайронментализм в политике США 52
Иан Карилло, США

“**Является ли насилие четвертой институциональной структурой, наряду с экономикой, государством и гражданским обществом?**”

Сильвия Уолби и Карен Шайр

> Предпринимательские университеты и эпистемическая несправедливость

Интервью с Джилл Блэкмор

Джилл Блэкмор, PhD, Профессура по педагогике имени Альфреда Дикина, научный сотрудник Факультета искусств и образования, Университет Дикин, Австралия, научный сотрудник Академии социальных наук. Она исследует – из феминистской перспективы – глобализацию, образовательную политику в школах и колледжах, международное и межкультурное образование, лидерство и организационные изменения, оценку исследований и эпистемическую справедливость, пространственный дизайн и инновационные педагогические, а также работу преподавателей и научных сотрудников. Недавние проекты проф. Блэкмор фокусируются на международной студенческой мобильности, идентичности, принадлежности и связанности, отношении работодателей к найму выпускников в Китае и Индии, а также на реформе школьной автономии. Одна из последних публикаций – *Disrupting Leadership in Entrepreneurial Universities: Disengagement and Diversity in Higher Education* [Подрывая лидерство в предпринимательском университете: разъединение и разнообразие в высшем образовании] (Bloomsbury, 2022). Проф. Блэкмор является членом Советов официальных правительственных органов, связанных с образованием, гендерным равенством, и политикой разнообразия. Джилл Блэкмор является автором рекомендаций по вопросам политики ОЭСР

для правительственных структур, частных и профессиональных организаций; она является автором методик оценки результатов принятых мер. Проф. Блэкмор является бывшим первым директором Центра исследований будущего образования и инноваций им. Дикина, президентом Австралийской ассоциации исследований образования, и вице-президентом Австралийской ассоциации университетских профессоров.

Ниже мы публикуем ее интервью **Джоанне Грубнер**, PhD исследователю Университета Йоханнеса Кеплера, Линц, Австрия, и помощнице редактора *Глобального Диалога*.

Джилл Блэкмор

ДГ: Вы исследуете глубокие преобразования, которые произошли в австралийских университетах за последние 30 лет. Что это за преобразования, какие силы ими движут, и какие последствия они имеют для производства академического знания?

ДБ: В Австралии и во всем мире правительства пытаются тесно связать университеты с национальными экономиками. В Австралии это началось после 1990 года, когда произошло объединение всего сектора, включающего 39 университетов. После этого новые подходы к государственному управлению и неоллиберальная политика, продвигавшая рыночные отношения во всех англоговорящих странах, просочились и в университеты. В течение последних трех десятилетий, университеты во всем мире переживают процессы интернационализации, менеджериализма, маркетинга, финансиализации, а в последнее время датификации (от *data* – данные), спровоцированной цифровизацией. Ректоры и деканы с 1990-х гг. аккумулировали существенные властные ресурсы, благодаря серийной реструктуризации, и заменили избираемые должности деканов и директоров институтов на назначаемые. В то же время, число позиций на высших уровнях менеджмента экспоненциально увеличилось, т.к. университетам приписывалось оперативно реагировать на геополитические изменения и политическую волатильность. Университе-

ты получают финансирование на преподавание в зависимости от количества студентов. Из-за сокращения государственного финансирования, австралийские университеты для получения дискреционного дохода все больше полагаются на международных студентов, что приводит к значительным инвестициям в маркетинг и кросс-субсидированию исследований за счет преподавания.

Организационное переустройство рассматривается как способ повышения эффективности, но до сих пор никто не всерьез не оценил, так ли это на самом деле. Централизация власти администрации в отношении политики и бюджета отодвинула в сторону коллегиальные практики академического управления. Научные советы университетов теперь отвечают только за качество исследований. Научные сотрудники выражают значительное недовольство высокой трудовой нагрузкой и невозможностью участия в принятии решений. Институциональная гибкость была достигнута за счет сочетания нерегулярного характера научной работы с высокой преподавательской нагрузкой. Это особенно повлияло на женщин, которые чаще всего работают по контракту и сконцентрированы на нижних уровнях академической иерархии. После введения обязательной процедуры оценки качества исследований в 2010 году можно утверждать, что общее влияние этих тенденций на производство знания таково, что теперь

>>

ценится выше то, что может быть различным образом посчитано и коммерциализовано. Формы академических практик теперь определяются количественными измерениями и нацеленностью на измеряемые и быстрые результаты.

ДГ: *Давайте поговорим о последствиях перехода от общеобразовательного к предпринимательскому университету, особенно для женщин-научных сотрудников и феминистско-производства знаний?*

ДБ: В 2000-х годах с введением метрик оценки исследований фокус политики сместился от наращивания исследовательского потенциала в 1990-х гг. к Центрам качества и погоней за места в глобальных рейтингах. Ректоры австралийских университетов стараются добиться отличия в преподавании и исследованиях, что приводит к большей разобщенности между университетами. В этом заключается переход от образовательного всестороннего университета к предпринимательскому, сфокусированному на партнёрстве с предприятиями, правительством и благотворительными организациями. Рынок последилового образования также обвалился из-за дерегуляции и онлайн/офлайн конкуренции между несколькими новыми крупными частными учреждениями высшего образования, предлагающими микро-дипломы – более короткие и дешёвые курсы на прибыльных нишевых рынках.

Рассматривая университеты как площадки прогрессивных взглядов, в 1990е годы консервативные правительства инициировали культурную войну против мультикультурализма, феминизма, и примирения с коренными народами, что подогревалось популистской прессой Р. Мёрдока и ультраправой аналитикой. Социально-консервативные правительства эксплуатируют культурно чувствительные для Австралии вопросы, отдают предпочтение инструменталистскому отношению к образованию. В то же время национальная политика фокусируется на науке, технологиях, инженерии, математике и медицине (STEMM). Игнорируя официальные данные, такие аналитики утверждают, гуманитарные и социальные науки (HASS) не имеют профессиональной ценности.

Результат этих структурных перестановок и политических идеологий гендерно-обусловлен и производит эпистемическую несправедливость. Во-первых, объединение факультетов HASS, где больше женщин, привело к снижению представленности женщин на исполнительном уровне и уровне принятия решений. Во-вторых, университеты следуют за финансовыми потоками в направлении STEMM, а значит, автоматически или намеренно, уводят ресурсы из сферы гуманитарных наук. В-третьих, даже когда женщины поднимаются на высшие уровни администрации, обычный паттерн во всей стране таков, что приоритетные направления исследований, в основном, заняты мужчинами из STEMM областей, а в направлениях «домашнего труда», например, в обучении и преподавании, больше занято женщин. Наконец, растущая рабочая нагрузка и постоянно возрастающие требования к позиции профессора-исследователя, сильнее ударяют по женщинам (особенно в STEMM), которые в Австралии продолжают нести бремя семьи, работы и заботы при нехватке общественных учреждений ухода за детьми. Общий структурный и культурный эффект структурных преобразований гендеризирован в отношении того, какие знания ценятся (эпистемическая несправедливость) и как формируются женские академические карьеры. Отсутствие этнического и расового разнообразия в университетском менеджменте не принимается во внимание университетской администрацией, несмотря на культурное разнообразие академического и сту-

денческого состава и состава населения Австралии.

ДГ: *Не могли бы Вы развить Вашу мысль о том, какие формы структурной и политической несправедливости производятся в австралийских предпринимательских университетах и какие могут быть последствия?*

ДБ: Предпринимательская логика означает, что знание оценивается только с точки зрения возможности его квантифицировать и продать. Эта логика квантификации приводит к эпистемической несправедливости. Во-первых, она игнорирует социальные и материальные условия производства знания – социальные отношения коллегиальности и сотрудничества, эмоциональный труд преподавателя и исследователя, а также репродуктивный домашний труд, который поддерживает эту работу. Во-вторых, это логика рыночного контракта, которая отрицает отношения сотрудничества (коллегиальность), необходимые для производства знания. В-третьих, эта логика считает инновациями только то, что может привести к новому процессу или продукту, и рассматривает экономические отношения отдельно от социальных отношений, а не как их неотъемлемую составляющую. Культура предпринимательства подпитывает консервативную и токсичную гендерную политику, которая обесценивает академическую работу, нацеленную на социальные отношения. Это опасно для демократий, так как во времена постправды, когда экспертиза и наука оказываются под ударом не только со стороны теорий заговора, но и правительств, социально консервативные и неолиберальные правительства Австралии противостоят университетскому сектору.

ДГ: *Продолжим разговор об антагонизме между консервативными и неолиберальными правительствами, с одной стороны, и университетским сообществом, с другой. Во время последних кризисов – особенно во время глобальной пандемии – обнаружился пугающий разрыв между социально-научным знанием и исследованиями, с одной стороны, и реакцией политиков на эти кризисы, с другой. Что происходило в Австралии в этом смысле, и каковы последние события?*

ДБ: То, что во время пандемии австралийцы показали коллективную волю и признали легитимными временные ограничения в правах во имя общественного блага, указывает на сильную демократию. Граждане Австралии осознают и ценят преимущества всеобщей системы здравоохранения и науки. Проблема состоит в неспособности консервативных правительств (и ректоров) и австралийского общества в целом признать культурную, политическую и экономическую ценность гуманитарных и социальных наук. Научными считаются только дисциплины STEMM. В то же время, и пандемия, и климатический кризис, подчеркивают важность HASS. Во-первых, Академия социальных и гуманитарных наук принимала участие в Форумах быстрого реагирования (по модели экспертной панели), проведенных кабинетом Главного научного сотрудника, чтобы консультировать Национальный совет министров. Во-вторых, при управлении вспышками ковида стала очевидной роль HASS в коммуникативных практиках государственных лидеров и лидеров коренных народов. Социально-психологические исследования были необходимы для понимания индивидуальных и коллективных реакций на пандемию. Также были необходимы политический, экономический и социальный анализ, который производили журналисты и ученые, следящие за эффектами пандемии на права и обязанности человека. Хотя неолиберальное федеральное правительство и предприняло беспрецедентные экономические действия по поддержке предприятий и отдельных людей, оно продолжило идеологическую войну против HASS, исключив университеты и учреж-

>>

дения культуры из программ федеральной поддержки, вынудив уехать из страны 500 000 иностранных студентов, которые не могли оплачивать свое проживание, вводя законы, которые сделали изучение гуманитарных предметов более дорогостоящим в сравнении с профессионально-ориентированным образованием, и снижая общее финансирование университетов.

В политическом плане, главы штатов вынудили премьер-министра страны принять решение о локдаунах и закрытии границ штатов, чтобы контролировать распространение вируса. Это говорит о значительном политическом капитале глав штатов как руководителей, в отличие от премьер-министра, неспособного вовремя объявить карантин и начать вакцинацию. На ежедневных пресс-конференциях премьеры штатов выступали вместе с главами министерств здравоохранения, предоставляя экспертные данные и объявляя новые меры по борьбе с вирусом. Легитимность науки была восстановлена, когда эпидемиологи, ученые и научные комментаторы стали знаменитостями. В конце концов, в онлайн пространстве локдауна секторы культуры и туризма оказались незаменимыми – для ментального здоровья населения. Очевидна их значимость в условиях постковидного восстановления, несмотря на то, что они оказались наиболее уязвимы в финансовом отношении. Мы наблюдаем еще один парадокс: премьер-министр полагается на технологии для решения проблемы снижения выбросов углекислого газа, одновременно отказываясь увеличивать университетам финансирование исследований.

ДГ: Недавно Вы высказывались против ситуации, в которой оказались австралийские университеты – сотрудники и студенты – в связи с официальными ограничениями в условиях пандемии COVID-19. Каковы основные пункты Вашей критики, что Вас беспокоит в этой ситуации и ее возможных последствиях для будущего академии?

ДБ: В отношении университетов политика австралийских правительств вообще и последнего коалиционного правительства, в особенности, является чрезвычайно недалеконзидной. Они обращались с университетами как с источниками доходов (образовательные услуги – третий крупнейший экспорт в 2019 г.) вместо того, чтобы инвестировать в университеты как производителей знания и важнейшие для демократии источники критики и рефлексии. Когда потоки международных студентов были остановлены, пандемия показала уязвимость австралийских университетов в результате недофинансирования, зависимости исследований от иностранных студентов, волатильности политических мер, меняющейся геополитики в Индо-тихоокеанском регионе и подъема Китая. В ответ ректоры воспользовались возможностью провести структурные перестановки (часто с использованием консультантов по менеджменту), за 18 месяцев оставили без работы 40 тыс. научных и профессиональных работников (20% рабочей силы) и отказались от возобновления временных контрактов научных сотрудников, которые составляют 66% всех занятых в этом секторе. При этом особенно пострадали факультеты HASS (напр., языки, социология). Ученые уже утратили доверие к университетской администрации из-за прекарности своей работы, высокого соотношения студентов и преподавателей, административной нагрузки, отсутствия финансирования исследований, менеджериализма, корпоратизации управления, отстранения от принятия решений и рискованных инвестиций в строительство и финансовые рынки. В ходе возникающих коллективных действий (примером является формирование Австралийской коалиции государственных универ-

ситетов) это недоверие перерастает в гнев. Научные сотрудники понимают, что под угрозой находится само отличие университетов от частных поставщиков образовательных и консультационных услуг. Многие поставщики частных образовательных услуг предлагают более дешевые микро-дипломы, а международные фирмы инвестируют в подготовку специалистов и получают прибыль от правительства, которое заказывает им выполнение исследовательских и экспертных задач. Выхолащивание высшего образования потребует десятилетий на восстановление, в то время как множество проблем требует новых знаний, творчества и инноваций, которые позволят направлять социальную и экономическую трансформацию к устойчивому будущему.

ДГ: По Вашему мнению, что может быть стартовой точкой для улучшения положения сотрудников и студентов австралийских университетов и укрепления роли университетов в обществе? Каковы основные опорные точки для позитивных изменений?

ДБ: Ключевая проблема заключается в том, чтобы повысить культурную чувствительность к осознанию важности университетов и гуманитарных наук для культурного, социального и политического будущего Австралии. Такой сдвиг предполагает разъяснение обществу и правительству, что у университетов особая роль, и их миссия не ограничивается подготовкой студентов к будущей работе. Ректоры упустили (возможно, намеренно) возможность возглавить дебаты о значимости университетов для демократического общества и убедить правительство в том, что университетские исследования играют ключевую роль в переходе к устойчивому будущему.

Внутренне, университетские менеджеры должны завоевать доверие своих сотрудников и обеспечить им надежное трудоустройство и безопасные условия труда. Коллегиальное управление должно опираться на научную экспертизу, которая в настоящее время игнорируется. Эта форма университетского управления предполагает представительство научных сотрудников в административных структурах и в работе приемных комиссий, создание независимого информированного Ученого совета, который поощряет критические обсуждения; трудовые соглашения, защищающие, а не ограничивающие академические свободы и достойные условия работы; реальное сотрудничество в принятии решений, а не формальные консультации; а также стратегическое планирование и бюджет, основанные на принципах равенства и заботы об окружающей среде. Университеты также имеют обязательства перед местными сообществами; они необходимы для городских и региональных сообществ и их экономики. Повышение специализации и дифференциации внутри университетского сектора сократит возможности для студентов, которым уже сложно получить доступ и продолжать учебу в университете из-за расходов на транспорт и другие трансакции. Хороший университет должен признавать разнообразие знаний и важность HASS для устойчивой инклюзивной образовательной среды и демократии. Такой университет поддерживает социальные инновации, основанные на социальных и реляционных (а не рыночных) контрактах, которые ценят взаимоотношения (коллегиальность) как ключевую характеристику деятельности в университетах и обществах. ■

Адрес для связи: <jillian.blackmore@deakin.edu.au>

> Пандемия COVID-19 и классовая борьба

Дарио Аселини, Независимый университет Сакатекас, Мексика

Забастовка сельскохозяйственных рабочих в Долине Якима (США) с требованиями безопасных условий труда в период пандемии COVID-19. 18 Мая 2020 года. Источник: Facebook: Familias Unidas por La Justicia, Edgar Franks.

При капитализме кризисы обычно усиливают существующие неравенства. В современных условиях рост неравенства становится также последствием того, как происходит администрирование пандемией COVID-19. По приблизительным подсчетам за первые девять месяцев 2020 г. глобальные доходы трудящихся снизились на 10,7% (или 3,5 трлн долл.) в сравнении с предыдущим годом. Одновременно, совокупное богатство более чем 2200 официальных миллиардеров выросло с 9,5 трлн долларов на 31 декабря 2019 г. до расчетных 11,4 трлн долларов годом позже. Исследования во всем мире подтверждают, что бедные люди и рабочий класс подвергаются более высокому риску заражения и госпитализации, а также, что чернокожее население, коренные народы и расиализированные группы из рабочего класса показывают непропорционально высокое количество заражений и смертей.

> Забастовки, вызванные пандемией

Во всем мире мобилизация представителей рабочего класса происходит как «по причине», так и «вопреки» пандемии. Во время пандемии забастовки и протесты проходили среди слоев общества, подвергшихся особенно сильному стрессу и риску заражения, для которых были характерны плохие условия и низкая оплата труда. К таким отраслям занятости относятся здравоохранение и уход за больными, складирование, доставка и логистика, пассажирский транспорт, пищевая промышленность, особенно производство мяса и другой сельскохозяйственной продукции.

В секторе здравоохранения, излюбленной площадке неолиберальной политики строгой экономии в течении десятилетий, забастовки проходили во всем мире, в Северной и Южной Америке, в странах Европы, Азии и Африки. В этом секторе в ос-

новном работают женщины. Особенно в сестринской профессии низкие зарплаты и высокий риск имеют гендерное и расовое измерения. Забастовки также проходили в секторе общественного транспорта. Самоорганизованные несанкционированные забастовки водителей прошли во многих городах США. В Брюсселе в мае 2020 г., работники общественного транспорта организовали несанкционированную забастовку после того, как профсоюз без их согласия заключил сделку с управленцами. В забастовочном движении участвовали работники системы метро в Мехико, Медельине и Сантьяго-де-Чили и железнодорожные работники Японии. В Германии, профсоюз *ver.di* также организовал серию забастовок городского общественного транспорта. В Италии и Греции прошли забастовки в частном и государственном транспортном секторе с требованиями сохранения рабочих мест и повышения оплаты труда. Борьба работников индустрии питания началась в секторе производства мяса в Западной Европе и США, где рабочая сила в основном состоит из мигрантов, а количество заражений вирусом было очень высоким. В Италии, Испании и США мигранты-работники сельскохозяйственной отрасли также объявили забастовку. За ними последовали забастовки работников торговли продуктами питания в разных странах мира. В первые дни пандемии, во всем мире, от Австралии до США происходили протесты в секторе сбыта и логистики с требованием повысить меры санитарной безопасности. В Италии все логистические компании и склады, включая *Amazon*, *TNT*, *DHL* и *UPS*, столкнулись с забастовками и массовыми невыходами на работу. Несколько раз в течение пандемии бастовали работники доставки еды в Италии. Судебное решение вынудило эти компании нанять официально по контракту и с социальным пакетом 60 тыс. работников доставки.

> Забастовки «вопреки пандемии»

Одновременно происходили также и забастовки, не связанные или мало связанные с пандемией. Трудовые конфликты охватили заводы, где были запланированы массовые сокращения или даже закрытие предприятий. В голландской металлургической *IJmuiden steelworks*, которой владеет индийская *Tata Steel*, работники организовали забастовку, которая длилась более трех недель. В результате были предотвращены увольнения тысячи из девяти тысяч работников и обеспечена гарантия трудоустройства до 2026 года. В Индии в декабре 2020 г., массовая забастовка стала ответом на планы правительства по массовой дерегуляции трудовых отношений и приватизации огромных государственных секторов. Около 250 млн работников государственного и частного секторов вышли на забастовку. С сентября 2020 г., фермеры в Индии протестовали против новых законов в пользу частных инвесторов и корпораций. После того, как протестующие фермеры штурмовали Дели в 2021 году, правительство на 18 месяцев приостановило действие этих законов. В день распродажи (*Prime Day*) в октябре 2020 г., работники *Amazon* в Германии, Испании и Польше бастовали за повышение зарплаты. В Германии за этим последовала серия забастовок на площадках *Amazon*. В порту Бильбао (Страна Басков) 300 портовых работников нескольких компаний бастовали в течение 55 дней, пока предприятия не удовлетворили несколько требований, включая ограничение рабочих часов до 1826 в год, права на перерывы и ограничения работы в праздничные дни.

Во время пандемии также происходили или продолжались массовые выступления рабочего класса. Протесты против диктаторского режима в Боливии принудили к новым выборам и вернули к власти партию *MAS* (Движение к Социализму), свергнутое ранее в результате переворота. В США главный профсоюз *AFL-CIO* не смог адекватно ответить на мультирасовое восстание рабочего класса, возглавленное Движением за права чернокожих, которое началось в мае 2020. Тем не менее, только в мае и июне, в знак солидарности с движением *Black Lives Matter* (*BLM*, «Жизни чернокожих имеют значение»), состоялось более 600 остановок работы и забастовок. Водители автобусов отказывались везти протестующих в следственные изоляторы. В день похорон Джорджа Флойда, 9 июня 2020 года, Международный профсоюз портовых и складских работников (*International Longshore and Warehouse Union, ILWU*), на 65% состоящий из чернокожих, смог перекрыть порты по всему тихоокеанскому побережью США. 19 июня, в день памяти отмены рабства в США, *ILWU* организовал восьмичасовую забастовку во всех 29 портах западного берега. 20 июля профсоюзы и движения организовали Забастовку за жизни чернокожих в более чем 25 городах. В ней вместе с *BLM* приняли участие такие профсоюзы, как *ILWU*, Объединение сельскохозяйственных

работников и Национальный альянс домашних работников.

> Новые площадки коллективных действий работников

Новостное агентство *Payday Report* отметило, что во время пандемии в 2020 году по США прокатилась самая крупная волна забастовок после 1946 года. Согласно Бюро трудовой статистики США, 2020 г. стал годом с наименьшим количеством трудовых споров (за исключением 2009 года). Однако этот показатель учитывает только споры с вовлечением более тысячи работников на одном предприятии, игнорируя изменения в структуре производства. Новые трудовые конфликты, очевидно, происходят в ранее неорганизованных секторах, где создаются новые профсоюзы и используются новые формы протеста, помимо тех, которые входят в принятое понятие «промышленной забастовки».

В течение пандемии *COVID-19*, как и в предыдущие годы, борьба работников обычно начиналась с самоорганизованных действий и цеховых профсоюзов. Цеховые коллективные действия могут реагировать быстрее и более гибко. Традиционные профсоюзы обычно избегали активных призывов к забастовкам. Протесты происходили по инициативе работников, которые старались оказать давление на руководство профсоюза. Неолиберализм и изменения в производстве серьезно подорвали старые модели организации, но повсеместно возникают новые виды борьбы и организационных структур. В то же время, нельзя обойти вниманием и слабые черты рабочего движения. В большинстве случаев, действия работников не способствуют тому, чтобы сдвинуть баланс власти в их пользу. Тем не менее, мобилизация работников во время пандемии показывает, что класс не перестал быть релевантной категорией. Более того, очевидная уязвимость глобальных сетей поставки вновь увеличивает структурную власть рабочих в глобализованной сфере производства.

Крупномасштабные перебои в прибыли остаются наиболее могущественным инструментом рабочего класса. В этом контексте отношения между производством и воспроизводством должны быть пересмотрены, так же, как и вопрос классовой борьбы и ее субъекта. Работники-мигранты составляют значительную часть нового рабочего класса в капиталистических центрах. Гендер и «раса» не заменяют классовую борьбу и не противостоят ей – они должны быть интегрированы в анализ иерархий капитализма и эксплуатации. В своем анализе женской классовой борьбы, Паола Варела делает очень важное замечание: «рабочее место – это не просто место в отрасли, а властная позиция [...], которая может служить катализатором и укрепить требования рабочего класса как целого». ■

Адрес для связи: <da483@cornell.edu>

тив насильственного империалистического выкачивания ресурсов.

Из 108 млн филиппинского населения, примерно 3,9 млн (3,6%) заняты в сфере промышленности. К ним относятся работники производства, строительства, экспортных предприятий и другие наемные работники. С 2017 г., *KMU* выдвигает требования против перевода на контрактную основу и растущей полу-пролетаризации филиппинских рабочих. Последние с помощью *KMU* вовлекают в протесты городских и деревенских бедных, среди которых 10,4 млн нелегальных наемных работников, 6,3 млн уличных торговцев и других неформальных работников.

> Места и модальности труда на Филиппинах

Безземельные крестьяне как класс либо считаются трудовым резервом, либо работают на зарубежные сельскохозяйственные предприятия. Перемещенные безземельные фермеры живут в городе и работают по контрактам на местных фабриках и транснациональных ЗОЭ. Жесткая политика контрактации создает прекарный труд и вне-профсоюзные рабочие места. Те, кто не может найти работу, присоединяются к неформальной экономике.

Отсутствие индустриальной базы, которое является причиной безработицы на Филиппинах, также сформировало две модальности труда, обеспечивающие спрос глобального капитала на дешевый сервисный труд за счет работы на внешних подрядчиков или экспорта труда.

Первая из этих модальностей – это работа на внешних подрядчиков. Филиппины – это бесспорная мировая «столица колл-центров», которая опережает своего ближайшего конкурента Индию и контролирует от 16 до 18% доли глобального рынка. В стране зарегистрирована 851 аутсорсинговая компания. Более чем половина из них – колл-центры (429), и большинство остальных – фирмы, предоставляющие ИТ-услуги (400 или 46,2%). Остальные – это предприятия по транскрипции медицинских документов и анимационные студии. Как полуколония США, Филиппины предоставляют 65% своих внешних услуг своему имперскому хозяину, а также клиентам из Европы, Австралии и Новой Зеландии. По последним данным, всего в аутсорсинговых компаниях занято 675 тыс. работников. Работа филиппинских рабочих в этом секторе должна соответствовать рабочему времени в часовом поясе клиента, из-за чего местное правительство называет аутсорсинг «солнечной индустрией».

Вторая модальность – это экспорт труда, который до сегодняшнего дня является экстренным решением и основной политикой филиппинского правительства. Зарубежные филиппинские работники – основная группа тех, кто зарабатывает доллары и укрепляет ВВП страны. Отчет Всемирного Банка за 2018 г. показал, что только в

2017 г. в Филиппины поступило 1,72 трлн филиппинских песо (32,6 млрд долл.) через переводы от работников за рубежом.

> Связь борьбы рабочих с анти-империализмом

В меняющейся трудовой картине Филиппин в период, наступивший после крушения военной диктатуры Маркоса, рабочее движение является также протестом против проявлений империалистической системы на Глобальном Юге. Рабочие борются против сохранения низкой оплаты труда филиппинских работников из-за неравного обмена в рамках глобальных иерархий труда. Другое проявление империализма – это интенсивный рост числа безработных на периферии, что приводит к полупролетаризации филиппинских рабочих. Это происходит в результате того, что трудовые отношения определяются партнерством иностранного капитала с местными компрадорами. Полупролетаризация в том виде, в каком она существует на Филиппинах, – это процесс, при котором империалистическая система заставляет рабочих выживать с помощью неоплачиваемого, нелегального и контрактного труда.

Все это превращает бедные городские и деревенские сообщества в площадки концентрации рабочих, где должна осуществляться антиимпериалистическая политика рабочего класса. *KMU* оказывает помощь людям на местах, руководствуясь целями коллективной трансформации социального, политического и экономического измерений жизни на разных уровнях: от местного сообщества до масштаба всей страны. Рабочее движение возникает там, где живут семьи водителей джипни и неформальных работников. Творчески поддерживая формирование рабочих организаций в колл-центрах, *KMU* работает с новыми формами трудовых споров о невыплатах оплаты труда в аутсорсинговых компаниях.

Ключевой урок, который нам преподнесли 40 лет борьбы *KMU*, состоит в том, что профсоюзное движение в полуколониальной стране не может совершить удобный выбор между экономической и политической борьбой. Роль государства здесь критична. Оно способствует трансформации сугубо экономической борьбы между рабочими и капиталистами на конкретном месте производства в локус глобальной политической борьбы, в которой подтверждается ленинский тезис о государстве как инструменте эксплуатации. В этом контексте, такие профсоюзы Глобального Юга, как *KMU*, могут только быть воинственно антиимпериалистическими и интернациональными в своей исторической борьбе за освобождение рабочих от уз глобального капитала. Эта антиимпериалистическая и антифашистская борьба рабочего класса неразрывно связана с призывами к свободному перераспределению земли и национальной индустриализации в светлом социалистическом будущем. ■

Адрес для связи: <sarahraymundo1976@gmail.com>

> Профсоюзы и дерегуляция рынка труда в Японии

Хироаки Ричард Ватанабе, Университет Рицумейкан, Япония

«Больше ни одной смерти – karoshi!» (смерть от переутомления). Протестная акция в Шимбаши, Япония, 2011 г. Ист.: Nesnad, CC BY-SA 4.0.

Япония страдает от экономической стагнации с того момента, как в начале 1990-х лопнул спекулятивный пузырь. Японские компании также переживают усилившуюся экономическую конкуренцию с соседними восточноазиатскими странами. В ответ на требование работодателей увеличить гибкость трудового законодательства, правительство Либерал-демократической партии (ЛДП) с 1990-х гг. проводило политику дерегуляции рынка труда. Чтобы добиться своих целей, правительство ЛДП действовало авторитарно, отстраняя профсоюзы работников от принятия решений, принимаемых на советах Кабинета министров.

> Неолиберальная дерегуляция рынка труда

Рассмотрим основные вехи политики дерегуляции временного трудоустройства. Поправка 1999 г. к Закону о временном трудоустройстве либерализовала временную занятость, позволив работодателям (за редкими исключениями, как, напр., в промышленности) самим определять ее условия. Поправка 2003 г. позволила работодателям использовать временный труд в производственном секторе. Если принять во внимание значимость этого сектора для Японии, это было существенное изменение. Наконец, поправка 2015 г. позволила работодателям нанимать временных работников через агентства на нео-

>>

пределенное время, при условии, что работодатель меняет временных работников каждые три года.

Из-за неолиберальной дерегуляции рынка труда, количество непостоянных работников растет. В настоящее время их доля составляет уже почти 40% от всех занятых. Временные работники имеют очень низкие гарантии занятости, что заметно по большому количеству увольнений во время финансового кризиса 2007-2008 гг. и недавней пандемии коронавируса. Показателями плохих условий труда временных работников являются низкая оплата труда, недостаточная доступность социальной поддержки и т.д.

Хотя постоянные работники более защищены, их условия труда – зарплаты, рабочие часы – ухудшились. Например, приняв поправки 1998 г. и 2003 г. к Закону о нормах труда, правительство ЛДП ослабило регулирование часов работы, введя категорию «дискреционной работы». Предполагается, что постоянные работники, принадлежащие к этой категории, не обязаны отчитываться о часах работы, но им не полагается оплата за переработку за исключением работы в выходные дни, в дни национальных праздников или в вечернюю и ночную смены. Хотя по закону такие постоянные работники обладают автономией в распределении рабочего и вне рабочего времени, часто это не соответствует действительности. На самом деле распространение дискреционной работы позволило работодателям использовать постоянных работников более гибко и более низко оплачивать их труд.

Недавно в рамках Реформы типов занятости правительство ЛДП ввело термин «высокопрофессиональная работа». Такая квалификация предполагает дальнейшую дерегуляцию времени работы; постоянные работники этой категории уже не могут претендовать на оплату внеурочной работы ни при каких обстоятельствах. Несмотря на то, что Реформа также ввела ограничения на сверхурочную работу, норма занятости осталась высокой (80 часов в месяц в среднем в течение произвольно выбранных шести месяцев). Эта мера вряд ли значительно снизит количество *karōshi* (смертей от переутомления) и *karō jisatsu* (самоубийств из-за ментальных проблем, связанных с переутомлением). Постоянные работники также постоянно ощущают опасность замещения временными работниками, число которых постоянно возрастает. Это позволяет работодателям держать постоянных работников под давлением, чтобы они работали больше и в худших условиях.

> Профсоюзы и дерегуляция

Неолиберальная дерегуляция рынка труда, проводимая правительством ЛДП, в сочетании с потерей доступа к процессу разработки законов, подорвала власть рабочих профсоюзов. Увеличилось количество непостоянных работников, которых сложнее организовать, что способствовало снижению численности профсоюзов. Сегодня в них состоит около 17% работников.

Кроме того, некоторые профсоюзы были заинтересованы в дерегуляции рынка труда, что приводило к конфликтам. Профсоюзы в секторах, успешно конкурирующих на международном рынке (автомобилестроение и – до недавнего времени – электронная промышленность), не всегда противостоят дерегуляции. Эти профсоюзы часто формируют межклассовые коалиции с администрацией, чтобы поддержать международную конкурентоспособность своих предприятий и защитить рабочие места постоянных работников в ущерб интересам временных работников. В результате, они оставляют без внимания прекарность временных работников и неудовлетворительные условия труда многих постоянных работников (нелегальные увольнения, невыплаты зарплаты и длинные рабочие дни).

С другой стороны, профсоюзы с индивидуальным членством, к которым работники присоединяются независимо от предприятий, борются против работодателей гораздо более агрессивно. Эти профсоюзы представляют интересы временных и постоянных работников малых и средних предприятий (МСП) в ходе разрешения индивидуальных трудовых споров. Однако властные ресурсы таких профсоюзов – как человеческие, так и финансовые – гораздо ниже, чем ресурсы профсоюзов крупных предприятий.

Чтобы компенсировать отсутствие ресурсов, некоторые профсоюзы с индивидуальным членством вовлекаются в «профсоюзное объединение социальных движений», формируя коалиции с организациями гражданского общества. Например, профсоюз *Shutoken Seinen (SSU)* [Токийский профсоюз молодежи], организованный по принципу индивидуального членства, представляя интересы молодых работников, участвовал в кампании «Борись за 1500 йен», проведенной гражданской организацией *Aequitas* («равный» - пер с лат.), чтобы призвать правительство повысить минимальную оплату труда для работающих бедных. Такие коалиции, однако, имеют ситуативный характер и недостаточно институционализированы.

Профсоюзы с индивидуальным членством также пытаются осуществлять политическое лоббирование, выдвигая законопроекты, организуя массовые протесты и т.д. Например, *SSU* делал запросы в Министерство здравоохранения, труда и социальной защиты с требованиями поднять минимальную оплату труда, обеспечить охрану труда, и урегулировать рабочие часы. Однако, за несколькими исключениями, политические действия профсоюзов с индивидуальным членством практически не оказали влияние на действия правительства. Таким профсоюзам сложно организовывать акции, так как они рекрутируют работников через индивидуальные консультации по рабочим вопросам, а не через конвенциональное массовое рекрутирование на рабочих местах. В результате, многие индивидуальные работники все еще страдают от прекарности работы и неудовлетворительных условий труда. ■

Адрес для связи: <hrwatana@fc.ritsumei.ac.jp>

> Сопротивление индонезийских рабочих режиму Сухарто

Верна Динах Виаджар¹, Филиппинский Университет, Дилиман, Филиппины

Национальная демонстрация индонезийских профсоюзов против планов правительства ограничить трудовые права. Август 2020 года. Ист.: IndustriALL Southeast Asia.

Говорят, что те, кто не помнит прошлого, обречены его повторить. История может послужить нам уроком в борьбе с подъемом авторитаризма во всем мире в условиях сокрушительных кризисов неолиберализма и роста политико-экономического неравенства. Например, может быть полезно изучить профсоюзные движения в странах Юго-Восточной Азии, которые столкнулись с репрессиями авторитарных режимов в постколониальный период и в период Холодной войны. Одним из примеров такой истории является индонезийское рабочее движение. Оно сформировалось как часть антиколониального движения против голландского господства, преследовалось авторитарным режимом Сухарто, и после снова появилось во время демократического процесса в период пост-Сухарто. Несмотря на свою слабость, рабочее движение во время режима Сухарто внесло свой вклад в смену режима и демократизацию. В этой статье обсуждается, как профсоюзное и другие трудовые движения в Индонезии, защищающие интересы рабочих, представляли собой ключевые элементы в борьбе за демократизацию против авторитарного режима Сухарто. Осмысление роли организованных рабочих в движении за демократические реформы и смену режима в Индонезии может помочь понять, как формируются социальные силы, которые консолидируют сопротивление против авторитарных практик внутри и за пределами Индонезии.

> Раннее трудовое движение

Профсоюзы были легальны и процветали при голландском колониальном правительстве в Индонезии с 1894 г. К 1940м годам профсоюзное движение увеличилось и включало более 100 тыс. членов и принимало активное участие в левом движении за независимость. Сухарно, первый президент после обретения Индонезией независимости (у власти с 1945 по 1967 гг.), считался социалистическим революционером и унаследовал радикально политизированное рабочее движение, сильную коммунистическую партию (КПИ), и правую военную организацию, которая все более радикализировалась (членом которой был Сухарто). В результате, во время правления Сухарно, симпатизирующие левым профсоюзы оказались вовлечены в политический конфликт между индонезийской коммунистической партией и правыми военными. В результате конфликта в 1968 г. после государственного переворота в стране захватил власть Сухарто.

Режим Нового порядка Сухарто ответственен за одно из самых кровавых истреблений коммунистического движения в регионе. Этот режим был основан на убийствах около 500 тыс. и арестах более миллиона людей, идентифицированных как члены или симпатизирующие КПИ. Захваченные в разгар политического конфликта, активисты левых профсоюзов также были казнены военными, чтобы обеспечить стабильность авторитарного ре-

>>

жима Сухарто. Репрессированное и запрещенное государством рабочее движение возникло из пепла одного из самых кровавых переворотов в Юго-Восточной Азии. Эти репрессии и контроль профсоюзного движения стали предпосылками к становлению авторитарного правления Сухарто (1968 – 1998 гг.) в самой большой исламской стране мира.

> Репрессии рабочих и санкционированные государством Индустриальные отношения Панкасила²

На протяжении более двух десятков лет, организации индонезийских рабочих оставались под контролем авторитарного режима Сухарто, который оправдывал свои действия идеей *рабочих отношений Панкасила*. Позже переименованная как *Индустриальные отношения Панкасила*, эта идейная рамка воспевала индонезийскую культуру поиска гармонии внутри сообщества, так что классовый конфликт между рабочими и капиталистами считался антииндонезийским. Применение такой идейной рамки определяло любую форму трудового протеста, особенно забастовки, как негармоничную и нарушающую принципы Панкасила.

Индустриальные отношения Панкасила лежали в основе экономической стратегии Сухарто по выводу Индонезии из списка самых бедных стран Юго-Восточной Азии. Новый порядок Сухарто в 1970-е годы начал индустриализацию Индонезии с помощью стратегии импортозамещения, которая опиралась на рост нефтяных доходов. В 1980-х гг., после нефтяного кризиса, стратегия роста сменилась на экспорт-ориентированную. Это способствовало быстрому экономическому росту с 1980-х гг. вплоть до Азиатского финансового кризиса 1997 г. Послушное профсоюзное движение и низкая оплата труда были необходимыми условиями такого роста. Однако быстрая индустриализация породила новые социальные силы – индустриальных рабочих, которые требовали больше свободы организаций, коллективных переговоров и защиты от насилия против профсоюзов. Репрессии в отношении независимого рабочего движения и эксплуататорские условия работы при экспорт-ориентированной стратегии индустриализации произвели новый индустриальный рабочий класс, недовольный бездействующими и контролируруемыми государством профсоюзными организациями. В начале 1990-х начали появляться независимые профсоюзы со стихийными забастовками, которые ознаменовали переход к конкурентоспособному рабочему движению.

Серия трудовых забастовок и протестов в 1994 г. способствовала формированию бурного антиавторитарного движения *reformasi*, кульминация которого пришлась на отставку Сухарто во время Азиатского финансового кризиса. Хотя организованные рабочие и движение *reformasi* не пришли к формальному сотрудничеству, индонезийские рабочие и профсоюзы сделали вклад, пусть и непрямой, в движение демократизации, которое привело к смене режима. Профсоюзы, организованные рабо-

Источник: IndustriALL Southeast Asia.

чие и другие движения, защищающие интересы рабочих, являются частью индонезийского рабочего движения. Это движение усилилось благодаря слиянию с более широким демократическим движением против авторитарного режима Сухарто.

> Заключение

Индонезийское рабочее движение прошло много эволюционных фаз под влиянием изменений в политическом и экономическом контекстах. При репрессивном режиме Сухарто профсоюзы были ослаблены, но содействовали смене режима, когда рабочие стали выступать с требованиями демократических прав и свободы ассоциаций. Изменения в производственных отношениях породили новые социальные силы, такие как индустриальный рабочий класс, городские профессионалы и заинтересованные группы рабочих, которые стали частью широкого движения за демократизацию. После шока, вызванного Азиатским финансовым кризисом 1997 года, рабочее и студенческое движения приняли активное участие в движении против Сухарто. Индонезия стала свидетелем самого драматичного коллапса правительства и изгнания авторитарного лидера, когда в 1998 г. Сухарто был вынужден уйти в отставку, когда ночью танки окружили его резиденцию. Падение правительства Нового порядка Сухарто, основанного на националистической идеологии Панкасила, ознаменовало начало новой эры в политике Индонезии. ■

Адрес для связи: <vqvijajar@up.edu.ph>

1. Эта работа стала возможной благодаря постдокторской стипендии в Международной исследовательской группе по авторитаризму и стратегиям противостояния (IRGAC) фонда Розы Люксембург в Берлине. Г-жа Виаджар работает в Школе труда и индустриальных отношений, Университет Филиппин Дилиман (UP SOLAIR) в качестве приглашенного научного сотрудника.

2. *Панкасила* – это политическая идейная рамка, изначально предложенная лидером колониальной независимости Сукарно с целью объединить страну. Она основана на принципах гуманизма, демократии и социальной справедливости. Сухарто присвоил эту популярную политическую идею, чтобы набрать легитимности.

> Будущее гендерных режимов

Сильвия Уолби, Лондонский городской университет, Великобритания, со-координатор тематической группы МСА «Насилие и общество» (ТГ11); член и бывший президент ИК МСА «Экономика и общество» (ИК02), член ИК «Женщины, гендер и общество» (ИК32) и **Карен Шайр**, Университет Дуйсбург-Эссен, Германия, вице-президент ИК02 МСА

Гендер имеет глобальное значение. Этот блок статей обращается к новым концепциям гендерных отношений на макроуровне, которые необходимы для анализа глобальных феноменов. В них обсуждается теоретическое осмысление разнообразия гендерных режимов. Они привносят интерсекциональную оптику в классовый анализ, который до сих пор был основным фокусом макро-анализа глобальных феноменов в социологии. В статьях рассматривается макроуровень гендерного анализа, который до сих пор преимущественно осуществлялся на микро- и мезо-уровнях.

Представленные статьи развивают дебаты, развернувшиеся на страницах журнала *Social Politics* 2020 г., посвященные концептуализации разнообразия гендерных режимов в условиях текущего кризиса и позволяющие более полно осмысливать тенденции Глобального Юга наравне с Глобальным Севером. Каково воздействие кризисов, особенно ковидного кризиса, на осмысление гендерных отношений? Отличаются ли варианты публичных гендерных режимов на Глобальном Юге от тех, что встречаются на Глобальном Севере?

Каким образом гендер обуславливает множественные модерности? Как великий переход к модерности, ключевой момент в дискуссиях по социологической теории, обусловлен гендером? Являются ли национальные формы социальных отношений изначально современными или пре-современными, или же это зависит от контекста? Является ли различие между приватным и публичным наиболее значимым для описания разнообразия гендерных режимов? Является ли универсальным различие между неолиберальными и социал-демократическими вариантами гендерных режимов, обнаруженное на Глобальном Севере, или на Глобальном Юге существуют другие способы различения публичных форм гендерных режимов?

Концепт гендерного режима бросает вызов традиционному сведению гендера к семейным отношениям. Гендерный режим производится в рамках нескольких институциональных сфер общества. Их конкретный список является предметом споров: иногда он включает экономику, политику, гражданское общество и насилие, тогда как другие исследователи включают и другие сферы.

Как быть с насилием, важность которого в гендерных отношениях широко признана, но которое редко включается в ключевые социологические теории? Можно ли считать насилие четвертой институциональной сферой наряду с экономикой,

политикой и гражданским обществом? Теоретизация гендера на макроуровне требует ответа на этот вопрос. Слишком часто на макроуровне рассуждают на языке внегендерной политической экономии. Авторы статей занимают различные позиции в дебате о теории насилия. Одни призывают признать сущностный характер насилия в рамках глобальной гендерной макро-теории и рассматривать его как отдельную институциональную сферу. Другие считают, что насилие нужно изучать как составляющую других сфер организации жизни общества.

Новые тенденции в организации заботы ставят под вопрос социальные теории, которые традиционно сводят экономику к рыночным формам труда. Оплачиваемый или неоплачиваемый труд заботы является частью экономики. Экономические социальные отношения включают отношения в сфере домашнего мира наряду с отношениями капитала и труда.

Часто на одной территории сосуществуют и конкурируют между собой несколько по-разному гендерно организованных политий: «национальное» государство, Европейский союз (или другой гегемон), организованная религия (напр., католическая церковь). В рамках этих политических структур существуют разные степени гендерной демократии, поэтому разница в балансе власти между ними также гендеризирована.

Гендерные отношения выводятся на новый уровень. Глобальные цепи гендеризированной заботы требуют анализа на макроуровне, так же, как и на мезо- и микроуровнях. Они требуют анализа пересечений капитализма с различными гендерными режимами, анализа миграции и специфически связанных с гендером проблем методологического национализма. Не существует обществ, четко ограниченных рамками национального государства, где все сферы социальной организации были бы синхронизированы. Масштабирование гендерных отношений также включает местный уровень (новые формы заботы, новые формы политических инициатив) и гегемонов (ЕС, Китай и США). Представленные статьи предлагают разные способы осмысления траекторий гендерных режимов в пространстве и времени как гендерно-обусловленных форм комбинированного и неравномерного развития.

Один из важных вопросов, на которые пытаются ответить статьи в этом выпуске, касается того, приводит ли ковидный кризис к изменениям гендерных режимов. С одной стороны, он приносит болезнь, смерти, которых можно было избежать, и откат от демократизации. С другой стороны, мы наблюдаем

>>

«Понятие гендерного режима проблематизирует традиционалистское редуцирование гендера к сфере семейных отношений. Гендерный режим конституируется множеством институциональных доменов общества»

возникновение новых форм солидарности и прогрессивных проектов.

Последующие статьи затрагивают эти темы. Сильвия Уолби предлагает теоретическую рамку описания насилия как четвертой институциональной сферы и показывает, как разные гендерные режимы используют и регулируют насилие. Карен Шайр утверждает, что виды семейной политики, характерные для консервативных гендерных режимов, не могут фундаментально изменить гендерное разделение заботы в рамках трансформации, которая не является ни либеральной, ни социал-демократической. Мике Верлоо указывает на необходимость уточнения концепции семьи и предлагает вместо этого ускользающего понятия концептуальное описание того, как общество организует тела, сексуальность и родство. Она рассматривает «антигендерный» правый поворот как противостояние де-традиционализации интимных отношений, что проявляется в атаках на репродуктивные права и сексуальную автономию в Венгрии и Польше. Хайди Готтфрид и Карен Шайр обсуждают реструктурирование гендерных отношений на примере сравнительного регионального анализа траекторий перемен в Японии и Германии. Валентайн М. Могадам утверждает, что от-

кат от нескольких феминистских достижений в Иране и Тунисе можно понять, только если опираться на мир-системный анализ влияния экономических кризисов и гегемонной власти на страны, находящиеся на границе экономической периферии и полу-периферии. Откат в отношении прав женщин в Тунисе объясняется чрезмерной уязвимостью полу-периферии к мировым экономическим кризисам, тогда как в Иране такой откат скорее объясняется санкциями США. Эдже Коджабычак анализирует изменения в природе патриархатного государства в гендерном режиме Турции. Анализ Италии и Испании в статьях Альбы Алонсо, Росселлы Чиччи и Эмануэлы Ломбардо показывает, что Южная Европа не является унифицированным регионом, существуют значимые различия в гендерных режимах этих двух стран, причиной которых является специфические сочетания политики и гражданского общества. Роберта Геррина, Хезер МакРе и Анник Массело концептуализируют ЕС как особый гендерный режим, который не смог справиться с гендерными и расовыми неравенствами, возникшими в результате объединения рынков, и усилившимися многочисленными кризисами, последний из которых вызван пандемией COVID-19. ■

Адрес для связи: <Sylvia.Walby@city.ac.uk>

> Появляются ли новые типы гендерных режимов?

Сильвия Уолби, Лондонский городской университет, Великобритания, со-координатор тематической группы МСА «Насилие и общество» (ТГ11); член и бывший президент ИК МСА «Экономика и общество» (ИК02), член ИК «Женщины, гендер и общество» (ИК32)

Насилие, неравенство в заботе и понятие кризиса. Эти три блока вопросов необходимо анализировать в контексте возникающего разнообразия гендерных режимов. (Рис.1, ист.: aesthetics of crisis / flickr; рис.2, ист.: John Twohig / flickr; рис.3, ист.: aesthetics of crisis / flickr.)

Идентификация зарождающихся разновидностей гендерных режимов и траекторий, по которым они развиваются, важна для гендерных отношений и для общества. Этим вопросам посвящен специальный выпуск журнала *Social Politics* 2020 г. Исследования показывают, что, хотя во многих гендерных режимах наблюдается рост неравенства, но при этом появляются практики, которые могут указывать на менее неравноправные режимы. Некоторые (хотя и не все) общества, где фиксируется рост гендерного неравенства, в последнее время испытали много трудностей, вызванных такими обстоятельствами, как Ковид, Брексит, Трамп и экономическая рецессия. Одновременно, существуют формы коллективного сопротивления, которые стремятся к сокращению гендерного неравенства, включая государственные (напр., в сфере общественного здравоохранения) и негосударственные (напр., феминистские инициативы). Они поднимают проблемы насилия, заботы, феминизма и пересечений гендера и класса. Что эти трудности и кризисы меняют или делают видимым в контексте дебатов о разнообразии гендерных режимов? Какие новые различия необходимо учитывать, чтобы создать типологию разнообразных гендерных режимов? Как лучше понять процессы, определяющие разные траектории в сферах экономики, политики, гражданского общества и насилия? Что еще необходимо, чтобы осмыслить происходящие изменения? Являются ли понятия кризиса и критической точки достаточными или же нужно говорить о новых темпоральностях и пространствах, которые требуют новых понятий? На мой взгляд, можно сформулировать три широких вопроса, которые помогут ответить на более мелкие.

Во-первых, является ли «неолиберализм» достаточным понятием для анализа растущего неравенства? Как правый поворот и связанный с ним рост неравенства может быть идентифицирован и теоретически осмыслен? Работают ли понятия «консерватизм», «авторитаризм» или «фашизм»? В отношении роста насилия, снова встает проблема теории насилия в разнообразных гендерных режимах. Следует ли говорить о государстве как авторитарном или понятие «насилие» интегрировано в понятие неолиберализма? Нужно ли опираться на термин «фашизм» при осмыслении активизации частных вооруженных отрядов, действующих с попустушения государства, вне зависимости от того, насколько результативным было противодействие их формиро-

ванию со стороны гражданского общества и государства? Относительно *COVID-19*: нужно ли осмысливать попытки реструктурировать политическую экономию здравоохранения в пользу частных коммерческих фирм как проявления неолиберализма или нужно привлечь к их концептуализации концепцию интерсекциональности гендера и класса?

Во-вторых, является ли термин «социальная демократия» достаточным для описания эмерджентных практик сокращения социального неравенства? Существуют ли новые формы социал-демократических гендерных режимов, отличающиеся от исторических форм Скандинавских стран? Необходимо ли концептуальное различие между формами социальной демократии – полития, государственный и негосударственный уровни (сообщество, община, соседство, локальность) – которые включают разные формы коллективности и солидарности? О Ковиде: с одной стороны, ковидный кризис в очередной раз показывает значимость основанных на государстве форм социальной демократии и центральную роль государственного здравоохранения в борьбе с вирусом. С другой стороны, чтобы эффективно осуществлять тестирование, отслеживание и изоляцию, необходимы знания и действия на локальном муниципальном уровне. По крайней мере в Европе, как бесплатные, так и коммерческие учреждения, потерпели относительный провал в предотвращении распространения вируса через физические и социальные контакты, необходимые для оказания и получения медицинской помощи. Это указывает на то, что некоторые дискуссии о гендере и заботе удивительным образом упускают Ковид. В связи с этим возникает ряд вопросов: как феминистские интервенции в оказание заботы воздействуют на гендерный режим? Как мы можем осмыслить возникающие практики заботы? Как могла бы выглядеть теоретизация пространства и масштабирования гендерных режимов?

В-третьих, о кризисе: является ли достаточной типология результатов кризиса (восстановление, интенсификация, трансформация или катастрофа)? Достаточно ли концептуализация ключевого момента как потенциальной критической поворотной точки? Как можно понимать неравномерное влияние феминизма? Критическая поворотная точка или переломный момент перехода к новой траектории обычно описывается как «событие», на основании короткой протяженности во времени и ограниченности в пространстве. Возможны три альтернативные формулировки, которые позволяют более высокую степень дифференциации: «каскад», «катализ» и «волна». Понятие каскада отсылает к последовательности критических точек, в которых кризис может пройти или не пройти каскадом через все социальные системы общества. Это понятие использовалось для анализа финансового кризиса 2008 г. и кризиса *COVID-19* 2020-2021 гг. Понятие катализа отсылает к несколько большей протяженности во времени, чем в случае события; оно содержит идею ускорения, связанную с образами спирали, последовательности и каскада, которые использовались для описания развития социал-демократических форм публичного гендерного режима в середине XX в. в Скандинавских странах. Понятие волны лучше показывает динамическую силу изменений (напр., глобальный феминизм), которые затрагивают более стабильные институциональные формы, и где результат зависит от взаимодействия между ними. Оно отсылает к понятию «цикла структурной перестройки», которое предлагает более детальное описание времени изменений.

Три проблемы, описанные выше, приглашают присоединиться к дебатам о разнообразии гендерных режимов в *Social Politics* 2020 г. и к обсуждению современных общественных изменений. ■

Адрес для связи: <Sylvia.Walby@city.ac.uk>

> «Забота – ответственность семьи»: консервативные гендерные режимы

Карен Шайр, Университет Дуйсбург-Эссен, Германия, вице-президент ИКО2 МСА

Кто несет ответственность за заботу, когда целью семейной политики является сокращение домашней нагрузки женщин, а поддержка женщин в семье способствует установлению более благоприятного баланса работы и семьи? Ист. Nick Youngson /Creative Commons.

Теория гендерного режима выделяет две идеально-типические траектории развития публичных гендерных режимов. Первая - неolibеральная траектория, при которой возможности равенства женщин с мужчинами обеспечиваются их равным доступом к конкурентным рынкам. Эта траектория в значительной степени оставляет без внимания механизмы гендеризированного разделения неоплачиваемого труда и гендерной сегрегации, которые ставят женщин в неблагоприятное положение на рынке занятости. Вторая - социально-демократическая траектория – включает гендерное равенство как цель любых политических программ, прежде всего, в сфере политики заботы и других мер социальной поддержки, что приводит к выравниванию гарантий занятости и гарантирует женщинам равное участие в политическом и экономическом руководстве.

Примером неolibерального режима является США, ближе всего к социал-демократическому типу гендерного режима – Швеция. Оба эти примера показывают, что развитие гендерных режимов неразрывно связано с демократическим путем модернизации. В своей статье в тематическом номере журнала *Social Politics* (2020), посвященном разнообразию гендерных режимов, мы с Кумико Немото показываем, что идеальные типы, выделенные на основе исторического опыта демократической модернизации, оставляют без внимания особенности стран, которые переживали авторитарную модернизацию. Анализируя историческое конституирование гендерных режимов на примере двух случаев авторитарной модернизации – Германии и Японии – мы показываем, что семейное право игра-

ло ключевую роль в подчинении женщин в домохозяйствах, в которых главой семьи являлся мужчина, и в установлении единичного семейного домохозяйства как публичной социальной институции, призванной обслуживать националистические и милитаристские интересы. Сходные аргументы развивают исследователи гендерных режимов в других кейсах авторитарной модернизации. В том же номере *Social Politics* на примере стран БВСА (Могодам), Турции (Коджабичак) и Испании (Алонсо и Ломбардо) авторы показывают, как законы о браке и семье утверждают гендерные иерархии в семье.

> Семейная политика Германии и Японии

Реформы семейного права в Германии и Японии в ходе демократизации, последовавшей за военным поражением и оккупацией в 1945 году, установили национальные гендерные режимы, основанные в значительной степени на либерально-рыночной модели американского типа, но не вполне тождественной ему. Социальная политика и политика занятости в этих странах также поддерживала гендерные иерархии в семейном домохозяйстве, которое позиционировалось как первичная единица нации. Эта семейная гендерная иерархия была осмыслена исследователями как основанная на модели мужчины-кормильца. Вторая волна феминистского движения в 1970е годы добилась реформирования многих остатков консервативной семейной формации, в частности закона о наследовании и разводе. Но кое-что сохранилось. Неизменной осталась ответственность семейного домохозяйства за заботу и оплату налогов, а также социально-политическая поддержка семейной

формы, основанной на модели мужчины-кормильца. Эти гендерные режимы уже не были авторитарными, но оставались консервативными вплоть до 2000х годов, когда озабоченность быстрым старением населения, низкой рождаемостью и сокращением рабочих рук привели к альянсу консервативных политических программ с социально-демократическими и либеральными силами, к последующим реформам социальной организации заботы и росту занятости женщин в сфере оплачиваемого труда.

Эти реформы, однако, не опирались на шведскую социально-демократическую модель. Это не удивительно. Подобно многим континентальным европейским странам, социальные программы Германии и Японии финансируются страховыми отчислениями от доходов, и социальная защита распространяется на зависимых членов семьи. Такой микс велфера продолжает поддерживать преимущественную вовлеченность женщин в неоплачиваемую заботу. Этот уклад делает политически невозможным принятие шведской модели налогообложения и государственной заботы. Напротив, задача снижения нагрузки заботы для женщин была сформулирована как цель семейной политики, а поддержка женщин в семье по-прежнему рассматривалась как содействие лучшему балансу работы и семьи. В обеих странах семейная политика осуществила интервенцию в социальную реорганизацию заботы о детях и пожилых. Ни в одной из этих стран семейная политика не достигла такого уровня развития социальной заботы как в Швеции, а гендерное разделение в сфере неоплачиваемого труда заботы сохраняется до сих пор.

Каковы результаты этой семейной политики? Гендерная логика семейной политики становится очевидной, когда в фокусе внимания оказывается наиболее насыщенные формы заботы – о детях младенческого возраста и о пожилых людях, которые не в состоянии себя обслуживать и жить без помощи других. Как в Германии, так и в Японии, семейная политика сохранила обе формы заботы как исключительно семейные (*all-in-the-family*).

Программы развития детских дошкольных учреждений не охватывают детей в возрасте от одного до двух лет. В Германии, где давление ЕУ привело к реформам, медленное распространение социальных учреждений для детей этого возраста (всего 34% охвата) осуществлялось за счет того, что забота о детях младенческого возраста осуществляется «дневными мамами» (*Tagesmutter*), что поддерживало роль женщин – пусть и из других семей – в осуществлении заботы о маленьких детях. В Японии сейчас разрешено продлевать годовой материнский отпуск по уходу за ребенком, если матери стоят в очереди на место в детском саду.

Реформы в сфере заботы о пожилых заключались в том, что более двадцати лет назад в обеих странах было введено страхование на осуществление долговременного ухода. Однако, новые рынки услуг по уходу за пожилыми эксплицитно ставят перед собой цель помощи семье в осуществлении заботы, а не социализацию заботы, которая по-прежнему в основном осуществляется в семье. Поддержка государством расширяющегося частного рынка услуг, а не социализация заботы соответствует неолиберальной траектории изменения гендерных отношений.

➤ **Поиски реальной социально-демократической альтернативы**

Существует ли альтернатива неолиберальному публичному гендерному режиму? Поиски ответа на этот вопрос предполагают поиски альтернатив шведской социально-демократической модели гендерного режима. В этих поисках ясной является лишь отправная точка: необходима дестрадиционализация и размывание супружеской биологической семьи как базовой ячейки социальной заботы с помощью социальной реорганизации близких отношений и формирования новой моральной экономики заботы, ориентированной на достижение гендерного равенства.

В Германии и Японии во время студенческого и феминистского движений 1968 года проводились эксперименты по реорганизации близких отношений. Настало время обратиться к этому опыту творческого освоения государственных субсидий и программ страхования для создания альтернативных форм внесемейной заботы о детях и пожилых. В Германии были организованы кооперативы дневных матерей и центры отцовской заботы; были организованы дома совместного проживания для пожилых, когда резиденты создают совместный пул своих страховок для того, чтобы нанимать помощников по уходу по месту жительства. В Японии, руководимые женщинами НПО, являются поставщиками качественной заботы и предоставляют достойное трудоустройство для женщин и мужчин – помощников по уходу. Эти НПО вносят существенный вклад в организацию заботы о пожилых, а в последнее время они все больше помогают в организации заботы о детях.

Поиски реальной социально-демократической альтернативы модернизации гендерных отношений в условиях консервативных гендерных режимов, скорее всего, начнутся лишь после того, как коренным образом изменятся нынешние представления о семье. ■

Адрес для связи <Karen.shire@uni-due.de>

> Наблюдается ли трансформация гендерных режимов в Европе?

Мике Верлоо, Рэдбаундский Университет, Нидерланды

Хештег #pieklokobiet (к черту женщин) стал символом протеста против новых правовых ограничений доступа к абортam в Польше.
Ист.: [LukaszKtlewa / Wikimedia Commons](#).

В течение последнего десятилетия мы наблюдали усиление антигендерных кампаний. Они прокатились по всей Европе, привлекая растущее число акторов и поднимая ряд проблем, имеющих ключевое значение для феминистского будущего. Мы наблюдаем также тревожный сдвиг в их стратегиях – от реактивной к проактивной. Эти кампании обращены к особому сегменту феминистских проблем, которые были приоритетными для радикального феминизма 1970х годов. Это вопросы де-эссенциализации пола и гендера, телесная и сексуальная автономия, репродуктивные права и гетеронормативность. Рост антигендерных кампаний наблюдается на фоне растущего авторитаризма в Европе. В новой книге Агнешки Графф и Эльжбеты Корольчук [Anti-Gender-Politics in the Populist Movement](#) [Антигендерная политика и популистское движение] представлен глубокий анализ этого феномена. Ниже я рассматриваю эти антигендерные кампании как свидетельства трансформации гендерного режима в Европе, которые требуют дальнейшего развития теории гендерных режимов.

В теории гендерного режима, которую развивает Сильвия Уолби, гендерные режимы рассматриваются как комплексные системы гендерного неравенства, различающиеся в зависимо-

сти от конкретных конфигураций структур политики, экономики, насилия и гражданского общества. Она различает домашний и публичный гендерные режимы; в рамках публичного гендерного режима выделяются две формы: неолиберальная и социал-демократическая. Различение домашнего и публичного гендерных режимов определяется различиями в политическом устройстве. Для домашних гендерных режимов характерно слабое государство и сильная роль мужского патриархата в семье и родственных сетях. Публичный гендерный режим характеризуется сильным государством. В свою очередь, различение двух форм публичных гендерных режимов определяется ролью государства или государственных институтов в организации классового неравенства. При неолиберальном публичном гендерном режиме государственные институты предоставляют максимальное пространство рынку, а следовательно, капиталистической системе организации экономики, что приводит к высокому уровню классового неравенства и формируют интерсекциональные гендерные неравенства по классовому признаку. Социал-демократический публичный гендерный режим стремится смягчить самые худшие эксцессы капиталистического классового неравенства, гарантируют определенный базовый уровень равенства возможностей. Снижение гендерного неравенства, особенно в сферах оплачиваемой занятости и

>>

заботы, являются неотъемлемой частью этой политики.

Это различие гендерных режимов, в основном, определяется политическими и экономическими структурными условиями. И все же для понимания антигендерных кампаний и возникающих в связи с этим гендерных трансформаций теория гендерных режимов должна уделить больше внимания сложным связям между гендерным неравенством и сексуальным неравенством. Я утверждаю, что теория гендерного режима может получить новое развитие за счет концептуализации сферы катексиса, которая включает все институты общества, регулирующие телесность, сексуальность и родство.

Мои аргументы связаны с четырьмя критическими оценками теории гендерных режимов (см. тематический номер журнала *Social Politics* 2020, посвященный гендерным режимам), которые предлагают интегрировать «семью» в теоретическую рамку, развиваемую Уолби.

> Семья как сфера теории гендерных режимов – возможности и ограничения

Валентайн Могадам выделяет два публичных гендерных режима: неопатриархатный и консервативно-корпоративистский. Неопатриархатный гендерный режим представляет собой домашний патриархат, организованный государством с помощью консервативного семейного законодательства в сочетании с формой капитализма, которая ограничивает экономическое участие женщин, препятствует развитию гражданского общества, что противодействует устойчивой феминистской организации и характеризуется неадекватностью или отсутствием законов о насилии против женщин. Возникающий консервативно-корпоративный режим характеризуется сильными феминистскими движениями, значительной представленностью женщин в сфере профессиональной занятости и реформированным семейным законодательством. Могадам утверждает, что при теоретизации гендерных режимов нужно отдельно рассматривать сферу семьи, так как семейное право и реформы в этой области являются ключевыми институтами, определяющими гендерные режимы и их трансформацию. Исследовательница уделяет особое внимание различным недемократическим или менее демократическим позициям в политической сфере и в гражданском обществе.

Карен Шайр и Кимико Немото различают гендерные режимы в зависимости от демократической или авторитарной формы политического устройства и придают особое значение семейной политике. Эти авторы отмечают, что при консервативных гендерных режимах домашняя сфера конституируется как публичная и трансформируется механизмами семейной политики, которые усиливают разделение труда, которое нельзя считать ни неолиберальным, ни социально-демократическим. Такая семейная политика сочетает поддержку женской занятости и роста рождаемости. Исследователи показывают, что домашние гендерные режимы могут модернизироваться неолиберальным консервативным способом. При этом речь идет об организации труда заботы и контроле женской фертильности. Как и Могадам, эти авторы

различают пути изменения гендерных режимов в демократических и авторитарных режимах. Для авторитарных режимов типичны изменения по паттерну сверху вниз; в демократических режимах изменения начинаются снизу и постепенно распространяются наверх.

Эдже Коджабичак также призывает уделять больше внимания значению семьи в период сдвига от домашнего к публичному гендерному режиму. В семье осуществляется гендерно маркированное лишение собственности, основанное на патриархатной эксплуатации домашнего неоплачиваемого труда. Исследовательница анализирует как современная версия домашнего патриархата организует исключение женщин из сферы оплачиваемого труда, лишает их собственности, усиливая зависимость от заработка мужа и поддерживая домашнюю патриархатную эксплуатацию труда.

Эмануэла Ломбардо и Алба Алонсо также стремятся развивать теоретические представления о сфере катексиса, поскольку борьба за сексуальные и репродуктивные права в Испании имеет решающее значение для понимания динамики гендерного режима. Эта борьба становится основной повесткой антигендерных кампаний и препятствует трансформации гендерных режимов в феминистском направлении. Антигендерные кампании могут повернуть вспять достижения недавнего прошлого в отношении гендерного равенства.

Все эти авторы стараются вписать «семью» в теорию Уолби, которая выделяет четыре основных домена гендерного режима. Однако такой теоретический шаг сопряжен с трудностями, потому что центром семейной структуры является разделение труда между заботой и оплачиваемым трудом. Кроме того, теоретический фокус на семью оставляет без внимания те измерения гендерного неравенства, которые укоренены в способах организации тела, сексуальности и родства.

Подведем итоги. Для понимания современных антигендерных кампаний и их последствий в виде поворота к менее прогрессивным формам гендерных отношений совершенно недостаточно различие между неолиберальным и социал-демократическим паттернами гендерного режима. Консервативный поворот уже произошел в Польше и Венгрии, где была ограничена репродуктивная и сексуальная автономия и заблокированы сексуальные права в брачных и семейных отношениях. Этот тренд быстро проникает в другие страны и подключает разных политических акторов. Такую трансформацию поддерживает сильная коалиция представителей догматически религиозных и крайне правых сил. Можно ли говорить о появлении современной формы публичного неопатриархата?

Мы наблюдаем серьезные трансформации гендерного режима. Эти негативные изменения станут явными, если мы проанализируем со всей полнотой сферу телесности, сексуальности и родства. ■

Адрес для связи: <mieke.verloo@ru.nl>

> Публичные гендерные режимы: конвергенция в разнообразии

Хейди Готтфрид, Государственный Университет Уэйна, США, член правления ИК МСА «Экономика и общество» (ИК02), «Рабочие движения» (ИК44), «Женщины, гендер и общество» (ИК32) и Карен Шайр, Университет Дуйсбург-Эссена, Германия, вице-президент МСА

В Японии и Германии мигранты играют большую роль в организации домашней заботы несмотря на то, что реорганизация системы социального воспроизводства в этих странах существенным образом различается. Ист.: Pekka Nikrus / flickr.

В начале немецкого и японского экономического чуда и экономической экспансии число женщин с высшим образованием в этих странах существенно выросло, однако, паттерны из занятости оставались ограниченными. Женская занятость характеризовалась высоким уровнем частичной занятости матерей, устойчивым существенным разрывом в оплате труда и сохранением нагрузки неоплачиваемого труда. Это характеристики усилились во время пандемии. Целью недавних инициатив в сфере социальной политики стала организация заботы. В результате этих меры наблюдаем «конвергенцию разнообразия» современных гендерных режимов в мире, переживающем реконфигурацию социального воспроизводства на глобальном уровне при одновременном формировании новых разделений между женщинами в ходе трансформации гендерного разделения репродуктивного труда. Рост спроса на низкооплачиваемый труд мигрантов, особенно характерный для быстро стареющих стран, требует усиления региональной и глобальной интеграции социальной и политической экономики и одновременно приводит к более плотной связанности классового, гендерного и расового/гражданского неравенства.

> Реструктурирование труда заботы

Германия и Япония по-прежнему позиционирует заботу о маленьких детях в основном как ответственность частных домохозяйств, а реформы в этой области не смогли в надлежащей мере увеличить число учреждений для детей младшего возраста. Снижение рождаемости в обеих странах, частично обусловленные системой занятости, построенной на модели мужчины-кормильца, породило быстрый прирост стареющего населения и соответственно рост потребности в услугах ухода за пожилыми зависимыми людьми. Новейшими добавлениями в сфере социальной политики в обеих странах стали долгосрочные страховые схемы, которые, в основном, также определяют частное домохозяйство как локацию заботы о пожилых. Частичное финансирование этих услуг через страховые взносы в обеих странах вносит свой вклад в распространение услуг по уходу в форме низкооплачиваемого и полупрофессионального труда.

>>

На территории ЕС под давлением европейской стратегии занятости, которая ставит выраженные цели гендерного равенства, забота о детях в значительной мере стала социализированной, по крайней мере для детей старше трех лет. Забота о детях младше трех лет по-прежнему остается семейной ответственностью. Недостаток явных изменений мужского участия в сфере домашнего труда способствует попыткам заместить неоплачиваемый домашний труд женщин оплачиваемыми рыночными услугами. Более того, независимо от того, является ли гендерный режим социал-демократическим или нет, значительная доля оплачиваемого домашнего труда и заботы делегируется мигранткам, которые работают в низкооплачиваемых и пекарных условиях. Дивергенция в этом контексте оказывает влияние на условия занятости женщин: четко проявляется разделение между женским трудом, осуществляемым гражданами и не гражданами. В этом отношении явно наблюдается растущая конвергенция гендерных режимов. Социальная реорганизация в сфере воспроизводства, обусловленная массовым выходом женщин из домашней сферы в сферу оплачиваемого труда, и семейная политика (например, введение налоговых кредитов для найма домашних помощников) нацелены на содействие участию женщин в производстве как стратегии национального роста в контексте демографических изменений. Таким образом стратегии роста еще сильнее связываются с наднациональной региональной интеграцией воспроизводства.

> Региональные вариации

Региональная реорганизация воспроизводства в Японии и в Германии существенно различается. Стратегии Азиатско-тихоокеанского региона и ЕС во многом ортогональны. Свобода предоставления услуг и свобода передвижения в ЕС породили либерализованные инфраструктуры торговли и трудовой мобильности. При этом есть основания утверждать, что миграция из Восточной Европы стала играть значимую роль в секторе заботы гораздо раньше того, как граждане этих стран – новых членов ЕС – получили право легальной работы в Германии. Страны Ассоциации государств юго-восточной Азии поднимают барьеры для некоторых секторов квалифицированной трудовой мобильности между государствами-членами, хотя в целом этот регион действует по другим правилам, нежели ЕС. Япония рассчитывает, что билатеральные соглашения приведут к сходной динамике реструктурирования воспроизводства. Мобилизуя торговые соглашения в духе экономического партнерства, Япония создала новые коридоры мобильности труда заботы. В самом деле миграционный труд по уходу является основной статьей в этих соглашениях. Страны, являющиеся основными поставщиками услуг, – Филиппины, Индонезия и Вьетнам – опираются на устоявшиеся региональные связи, построенные на истории японской колонизации, японском политическом влиянии как главной страны-донора в регионе и ее позиции самого крупного иностранного инвестора.

В отличие от Германии, Япония очень осторожно отнеслась к

росту числа трудовых мигрантов, предоставляющих услуги по уходу. В этой стране условия билатеральных соглашений постоянно пересматривались и до сих пор продолжается обсуждение того, насколько труд заботы может считаться квалифицированным. Стратегия импортирования труда заботы не восполнила постоянной нехватки помощников по уходу, что частично было вызвано жестким контролем миграции, сложностями получения разрешений на работу и ограничениями в получении гражданства. Все эти обстоятельства сократили поток трудовых мигрантов в Японию. Повторяя сложившийся паттерн, японское государство помещает себя в центр взаимодействий, действуя не только как регулятор, устанавливающий правила билатеральных соглашений, но и в качестве посредника рынка труда, управляющего движением трудовых мигрантов из других стран региона. Что касается Германии, то в этой стране свобода передвижения между странами ЕС облегчает приток трудовых мигрантов из примыкающих к ней стран. Более ранние ограничения привели к тому, что трудовые мигранты заботы въезжали в Германию либо как самозанятые (в условиях свободы предоставления услуг в ЕС), либо как незарегистрированные работники. В этот период мигранты работали в частных домохозяйствах либо на условиях, не соответствующих трудовым стандартам (если работники были самозанятыми), либо без всякой возможности прибегать к жалобам (если работники не зарегистрированы). Как и в других странах ЕС, способ привлечения труда заботы в Германию, привел к развитию агентств по предоставлению услуг заботы (которые в основном работают в восточно-европейских странах ЕС). Преодоление ограничений поставило работников сферы услуг по уходу в прекарное положение самозанятых или работающих с помощью посредников. При таких условиях труд мигрантов в сфере заботы превратился в прекарную форму занятости.

Регионализация и глобализация могут быть позитивными силами, если они представляют новые арены для действия феминистских акторов в правительствах и обществах, которые стремятся продвигать политику гендерного равенства в сфере международных стандартов занятости. И все же программы регионального и международного уровней приводятся в действие именно национальными политическими акторами. Глубинное напряжение между наднациональными учреждениями ЕС и национальным уровнем управления препятствуют гармонизации политических инициатив в разных странах, что стало вполне очевидным на примере национальных ответов на COVID-19. Ковидный кризис создает потенциал последовательного изменения социальных систем. С одной стороны, новое общественное признание труда заботы может привести к его переоценке и социальной политике, опирающейся на социально-демократические принципы. С другой стороны, интенсификация труда заботы в домохозяйстве может усиливать процессы ре-традиционализации женской роли и усиления неравенства по классовому, расовому или гражданскому основаниям. ■

Адрес для связи: <ag0921@Wayne.edu>

> Гендерные режимы, политическое устройство и мировая система

Валентайн М. Могадам, Северо-Восточный Университет США, член ИК МСА «Женщины, гендер и общество» (ИК32)

Макросоциологическое понятие *гендерный режим*, сформулированное Сильвией Уолби, в основном использовалось для анализа национальных структур и, как правило, в контексте экономически высоко развитых капиталистических демократий, которые плотно интегрированы в мировую капиталистическую экономику и ее финансовые рынки. Конкретные примеры применения этой оптики – это анализ гендерных режимов ВБ, США, Испании, Японии и Германии. Однако в настоящее время мы наблюдаем применение этой теории для анализа менее развитых регионов, как в демократическом, так и в авторитарном политических контекстах, т.е. для стран и обществ, которые либо слабо интегрированы в мировую экономику, либо занимают в ней в высшей степени зависимое положение. Ниже я обсуждаю гендерные отношения в Иране и Тунисе, и сначала представлю некоторый контекст для последующего анализа.

Исследования гендерных отношений в Израиле (Амалия Саар), Турции (Эдже Коджабычак, ВБ), в Алжире, Марокко и Тунисе (мое авторство) показывают, что понятие гендерного режима может быть использовано в незападных контекстах, хотя их нужно приспособлять к объяснению национальной специфики и внутривосточных вариаций. Саар использует понятие «патриархатный гендерный контракт» (который я также использую в книге, опубликованной в 1998 году), чтобы описать заторможенную интеграцию палестинско-израильских женщин в сферу оплачиваемого труда в условиях неолиберальной экономики. Исследования Израиля обнаруживают преимущественно домашне-центрированный гендерный режим, наряду с которым функционирует, хотя и в меньшем масштабе, публичноцентричный режим. Коджабычак утверждает, что гендерный режим в Турции варьирует между до-модерной и современной формами, причем вариации определяются как темпоральными, так и субрегиональными различиями. Айли Мари Трипп в своей книге *Seeking Legitimacy* [В поисках легитимности] не пользуется понятием «гендерный режим», однако, проведенное ею сравнение стран Магриба (Алжира, Марокко, Туниса) с другими странами Ближнего Востока и Северной Африки (страны БВСА) подтверждает мой тезис о сдвиге от «неопатриархатного» к возникающему «консервативно-корпоративистскому» гендерному режиму в регионе БВСА. Рания Мактаби, изучая страны Северной Африки, Леванта и государства Персидского Залива, вместо термина «гендерный режим» использует понятие «режим гендерного гражданства». В своей работе я также обсуждаю вопрос не-западного или некапиталистического типа модерности

(например, при коммунизме или в авторитарных контекстах), дополняя картину возникающих гендерных режимов в недавно демократизирующихся странах Магриба, особенно в Тунисе и, в последнее время, в Иране.

Во всех случаях феминистские концептуализации отмечают сочетание тенденций прогресса и стагнации (а иногда и регрессивных изменений) в эволюции патриархата и в устойчивых гендерных режимах. Таким образом возникает вопрос о том, конституируется ли гендерный режим лишь на национальном уровне институтов и классовой структуры, или он формируется также структурными условиями экономической зоны, в рамках которой расположена страна – в ядре, на периферии или полпериферии мировой системы. Теоретическое развитие концепции гендерных режимов на уровне мир-системного анализа может стать первой ступенью идентификации разнообразия, динамики и перспектив, диффузии и кластеризации, конвергенции и дивергенции, а также драйверов изменений и регресса.

> Гендерные режимы Глобального Юга – концептуальные проблемы

Развивая понятие гендерного режима в контексте исследований, выходящих за пределы Глобального Севера, я выделяю три круга вопросов. Первый касается природы и степени устойчивости частного патриархата (домашнего или докапиталистического гендерного режима), адекватного наименования возникающего или устоявшегося гендерного режима (консервативный vs неолиберальный или социал-демократический) и сохранения значимости института семьи.

Второй вопрос касается шкалы анализа. В статье, написанной совместно с курдско-иранскими социологами на материале данных, собранных в административном центре Сенендедж, я показываю, что на национальном уровне крайне централизованного неопатриархатного гендерного режима Ирана семья остается крайне значимой институциональной сферой. Возможно, социальные институты действуют различным образом на различных уровнях социума.

Третий вопрос касается движущих сил и акторов изменений гендерных режимов и факторов, ответственных за стагнацию и регресс. В своей работе, посвященной гендерному режиму Магриба, я выделяю феминистские мобилизации как ключевые драйверы изменений, но отмечаю, что дальнейший прогресс

«Понятие капиталистической мир-системы должно стать исходной концептуальной рамкой интерпретации развития и динамики гендерных режимов в разных институциональных контекстах и на разных уровнях»

– особенно в демократизирующемся Тунисе – был заторможен экономическим кризисом.

Все три группы вопросов связаны между собой. Драйверы и акторы изменений действуют на различных уровнях, а институциональные сферы находятся под влиянием глобальной, национальной и субнациональной динамики. Мой главный аргумент заключается в том, что капиталистическая мир-система, понимаемая как крайне неравномерная и иерархичная конфигурация капиталистических рынков и межгосударственных отношений, должна рассматриваться как концептуальное основание нашего понимания перспектив и динамики гендерного режима, включающего разные уровни институциональных конфигураций.

> Гендерные режимы Ирана и Туниса в перспективе мир-системного анализа

В фокусе моего эмпирического исследования две республиканские страны Ближнего Востока с крупным сегментом средних классов, в состав которых входит образованные и амбициозные женщины. Одна из таких стран – Иран, авторитарная нефтяная страна, находящаяся под давлением санкций США. Другая – Тунис – страна развивающейся демократии, но экономически депрессивная и имеющая большие долги. Эти страны различаются по своему политическому устройству и состоянию гражданского общества, но их роднят сходные дебаты о семье. Социальные институты и соответствующие им гендерные режимы в этих странах формируются не только внутренними факторами, но также находятся под сильным влиянием сил, действующих на уровне иерархической мир-системы.

Я утверждаю, что гендерные режимы производятся процессами мир-системного уровня, которые воздействуют на национальных акторов и пересекают национальные границы, создавая возможности достижения гендерного равенства или препятствуя ему. Так, например, Иран как эмергентное полупериферийное государство бросает вызов гегемону мир-системы, выживает в условиях экономических и финансовых санкций, которые, в свою очередь, усиливают правые политические силы в стране и препятствуют прогрессу или поворачивают вспять достижения в отношении женского участия и прав. Этот поворот включает недавнее крайне сомнительное решение предоставлять дневники и таблицы успеваемости школьников исключительно их отцам. В Тунисе демократический переход и возникающий гендерный режим, сдвигающийся в сторону эгалитаризма, натывается на барьеры слабой экономики страны, зависимости от глобальных потребительских цепочек, внешних инвестиций и займов. Это сказывается в приостановке принятия Закона о равных правах наследования для сестер и братьев, которая вызвала серьезное недовольство феминистских активисток, а также недавнее противоречивое вмешательство президента в политические решения по этому вопросу. Анализ Ирана и Туниса, двух стран Глобального Юга, относящихся к периферии и полупериферии, проявляет значимость мир-системных процессов для гендерных режимов. В данном случае мы принимаем во внимание такие глобальные процессы, как политика гегемона в межстрановых отношениях и уязвимый статус малой экономики в рамках мировой экономической системы. ■

Адрес для связи <v.moghadam@northeastern.edu>

> Детерминанты турецкого патриархатного государства

Эдже Коджабычак, Открытый Университет, ВБ

Сообщества женщин и людей ЛГБТК+ протестуют против отказа Турции подписать Стамбульскую Конвенцию, направленную на защиту девочек и женщин от всех форм насилия. Кадыкей, 2021. Ист.: Yagmurkozmetik / [Wikimedia Commons](https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Yagmurkozmetik).

Теории разнообразия гендерных режимов не только подчеркивают равную значимость гендерного, классового и этнического неравенства в социальной трансформации, но и позволяют оценить изменения патриархатных характеристик государства. В этой статье теория гендерного режима применяется к анализу патриархатного государства Турции. Отказ Турции от подписания Стамбульской Конвенции, направленной на предотвращение насилия в отношении женщин и домашнего насилия, показывает, что сочетание множественных повесток государства и процесса де-демократизации содействует возрастанию коллективной власти мужчин как гендерной социально сконструированной группы.

> Две формы государственного патриархата

Основываясь на теории гендерного режима, я полагаю, что гендерно- классово- и расово-этнически доминирующие группы общества оказывают сильное влияние на государство, что приводит к конкретному сочетанию приоритетов государственной политики. Сильвия Уолби полагает, что домашний гендерный режим характеризуется господством гендерно исключающих стратегий, а гендерная сегрегация и субординация характерны для неолиберальной или социал-демократической форм публичного гендерного режима. Опираясь на эти идеи, я выделяю две основные формы государственного патриархата. *Домашний государственный патриархат* ограничивает женский труд домашним производством (включая труд заботы); *публичный государственный патриархат* использует различные степени коммодифика-

>>

ции и декоммодификации (товаров и услуг, производимых женщинами в домохозяйстве) для гарантии устойчивости двойной нагрузки оплачиваемого и неоплачиваемого труда женщин. Если публичный государственный патриархат поддерживает стратегии гендерного исключения, то публичный патриархат регулирует гендерную сегрегацию и субординацию в институциональных доменах экономики, политики, гражданского общества и насилия.

Предложенная теоретическая рамка является крайне релевантной для анализа государственной формации на Глобальном Юге, где различные группы являются политическими акторами. Как я отмечала в одной из своих работ ранее, патриархатные политические акторы Турции – это не только мужчины – главы домохозяйств, но также мелкие производители мужского пола/гендера в городской и сельской местности. Более того в условиях, когда антидемократические режимы поддерживают существенные гендерные разрывы в публичной сфере, политическое руководство осуществляет конкретная группа мужчин, принадлежащих к элите. Это в свою очередь увеличивает власть мужчин в принятии решений. Описывая эту группу мужчин я использую понятие «мужчины режима» (*men-of-the-regime*).

Анализ данных показывает, что, начиная с 2000х годов, турецкое государство характеризуется столкновением признаков публичного и домашнего патриархата. Эти конфликтующие черты, возможно, характерны и для многих других государств, но в Турции сдвиг к государству публичного патриархата остается ограниченным, а масштаб его влияния не достаточен для того, чтобы бросить вызов превалированию признаков домашнего патриархата. Государственные интервенции в сфере экономики способствуют тому, чтобы городские женщины с относительно низким уровнем образования не работали и обеспечивали услуги неоплачиваемой заботы, а женщины, проживающие в сельской местности, оставались неоплачиваемыми семейными работниками в малых или средних по масштабу фермерских хозяйствах. В сфере гражданского общества недавно установленный антидемократический режим (с 2014-2015 гг.) исключает женщин из сферы публичного принятия решений и политической репрезентации и подавляет общественные движения. В то же время контроль женщин над своей сексуальностью и репродуктивным поведением ограничен государственным гомофобным и проталитским регулированием. Подробный анализ государственных интервенций в сфере гендерного насилия показывает, что государство создает ловушку, обрекая женщин на пребывание в гетеросексуальной семье с партнером-насильником, ограничивая доступ женщин к реальным альтернативам и толерантно относясь к мужскому насилию в отношении одиноких, разведенных или расставшихся с партнерами женщин, а также к насилию против людей ЛГБТК+.

> Отказ Турции от подписания Стамбульской Конвенции

Фокусируя внимание на отказе Турции подписывать Стамбульскую Конвенцию, я выявляю, в какой степени патриархатные акторы используют повестку турецкого мусульманского расист-

ского государства для поддержки домашнего государственного патриархата. Я полагаю, что первоначально в период между 2015 и 2018 годами, возникали группы мужчин, противодействующие правовому запрету брака с несовершеннолетними (*child marriage*), законам об алиментах и опеке над детьми. В течение этого периода также подробно обсуждался Закон №. 6284, который имел прямое отношение к Конвенции. Эти мужские группы организовывали дискуссии в социальных медиа, проводили кампании дезинформации и организовывали уличные протесты, утверждая, что именно они являются жертвами подобных правовых норм. Такие действия были поддержаны также мужчинами режима, включая аналитиков, журналистов, ученых, лидеров религиозных сект и политиков, принадлежащих к различным политическим партиям.

Однако начальная фаза мобилизации мужчин была достаточно ограниченной; стратегическое репозиционирование движения произошло в 2019. Хотя до 2019 г. Стамбульскую Конвенцию не обсуждали, *мужчины режима* и их союзники сменили фокус и перефреймировали свои требования. Во-первых, они навесили на однополые отношения и практики независимости женщин от мужчин ярлыки величайшей угрозы в отношении турецкой и мусульманской семьи. Во-вторых, они подчеркивали значимость турецкой мусульманской семьи для материального и социального существования турецкого мусульманского населения. В-третьих, они постоянно повторяли хорошо известное заблуждение о том, что целью Запада является разрушение Турции. Эта новая стратегия способствовала эффективности солидарных действий групп «обычных мужчин» и «*мужчин режима*». Они усилили свое влияние не только на руководство Партии Справедливости и Развития, но также на основную партию коалиции (Партию Националистического Движения) и оппозиционную Партию Счастья. Отказ турецкого государства подписывать Стамбульскую Конвенцию не был прямолинейным, поскольку оно опасалось реакции женщин. И все же в марте 2021 года Эрдоган официально объявил об этом решении, аргументируя его тем, что Конвенция дает возможность нормализовать гомосексуальность, что несовместимо с социальными и семейными ценностями Турции.

Этот казус показывает, что на первом этапе (2015-2018) движение за права мужчин не могло оказывать сильное влияние на государство несмотря на усилия «*мужчин режима*». В этот период сильное противодействие женщин мешало продвижению его требований. Однако освоив расистскую повестку турецкого мусульманства (начиная с 2019 гг.), «*мужчины режима*» стали усиливать свое влияние на патриархатных акторов, а, следовательно, и усиливать домашний государственный патриархат. Это рассуждение вносит вклад в исследования гендерного режима в двух аспектах. Во-первых, в нем представлены различные группы, входящие в состав патриархатных акторов на Глобальном Юге. Во-вторых, оно анализирует способы усиления власти мужчин с помощью задействования множественных повесток государства. ■

Адрес для связи: <Ece.Kocabicak@open.ac.uk>

> Существует ли южно-европейский гендерный режим?

Алба Алонсо, Университет Сантьяго-де-Компостелла (Испания), Роселла Чичия, Оксфордский Университет (ВБ), член МСА ИК «Экономика и общество» (ИК02), «Бедность, социальное обеспечение и социальная политика» (ИК19) и Эмануэла Ломбардо, Университет Комплутенсе Мадрида (Испания)

Испания и Италия часто рассматриваются как вариации одной модели домашнего/ консервативного гендерного режима. Однако в последние десятилетия эти страны демонстрируют признаки гибридизации гендерных режимов и становятся все более непохожими друг на друга. Ист.: Granata92/Wikimedia Commons.

Как интерпретировать различия гендерных режимов в южно-европейских государствах? Как объяснить различные траектории изменения гендерных режимов? Довольно часто Испанию и Италию рассматривают вместе как примеры домашней или консервативной модели, поскольку для обеих стран актуально наследие авторитаризма и фамилистский характер социального государства, поддерживающие неравенство в гендерных отношениях и ограничения доступа женщин в публичную сферу. Однако в течение последних десятилетий эти страны продемонстрировали признаки гибридизации и стали все больше отличаться друг от друга. Испания в значительной степени сдвинулась в сторону публичной формы гендерного режима, а в Италии темп изменений оказался гораздо медленнее, а направлением изменений является все большая приватизация гендерного режима.

Мы утверждаем, что политическое устройство и процессы, происходящие в гражданском обществе, являются основными «машинами» изменения гендерных режимов. Динамика отношений государства и гражданского общества глубоко проанализирована в исследованиях постиндустриальных западных демократий, посвященных влиянию государственного феминизма на демократическое и субстанциональное представительство интересов женщин и воздействию альянса феминистских движений как движущих сил политики в отношении женщин и гендеризации дебатов о социальной политике. Характеристики партийной системы, институциональное наследие,

конstellации акторов, поддерживающих гендерное равенство и препятствующих ему, роль организованной религии, политического представительства и господствующие общественные представления о гендерных ролях - все эти обстоятельства влияют на роль государственного феминизма и женское движение, создавая конкретные конфигурации взаимодействующих факторов, которые производят разнообразие траекторий гендерных режимов.

Наше исследование ставит под сомнение существование единой южно-европейской модели гендерного режима, которая адекватно описывает гендерные отношения во всех странах этого региона. Анализ траекторий изменения политики гендерного равенства Италии и Испании 2000х годов, опирающихся на институционализированное гендерное наследие, показывает, что эти страны не стоит рассматривать как версии одной модели, поскольку их гендерные режимы существенно различаются. Если испанский гендерный режим становится все более публичным и в зависимости от цвета партии в правительстве принимает более прогрессивную социал-демократическую или неолиберально-консервативную форму, то итальянский гендерный режим остается домашним и консервативным.

> Динамика отношений государства и гражданского общества

Вариации гендерного режима существенным образом зависят от динамики отношений между государством и гражданским обществом и внутри этих доменов. Рассмотрим ключевые характеристики государственного устройства (или политики), которые влияют на гендерный режим. Во-первых, это система политических партий, которая в Италии более враждебно относится к гендерному равенству, чем в Испании. Такие различия связаны с тем, что в Италии остаются сильными правоцентристские партии, а в Испании – левоцентристские, которые продвигают повестку гендерного равенства. Начиная с 1990х годов в Италии растет влияние радикальных правопопулистских партий, которые только недавно стали появляться в Испании. Во-вторых, необходимо учитывать глубину развития демократии. В Италии политическое представительство женщин остается на очень низком уровне (на уровне 11% вплоть до 2018 года); в Испании, начиная с 2007 года доля женщин составляет около 40%. В-третьих, на гендерный режим влияет проникновение организованной религии в политику. Ватикан, близкие ему сегменты гражданского общества и его политические союзники имеют более прямой доступ к государству и негативно влияют на политику гендерного равенства в Италии,

>>

и в этом мы также видим отличие от Испании. В-четвертых, значимым фактором является воздействие государственного феминизма и бархатных треугольников (т.е. взаимодействие между авторами социально-политических программ, феминистскими учеными, экспертами и феминистскими движениями). По сравнению с Испанией Италия представляет случай слабой институционализации гендерного равенства и более слабых альянсов между активистами, законодательством, фемократами и научным сообществом. В-пятых, необходимо учитывать, что федерализм политического устройства Испании является прогрессивным триггером инноваций в сфере политики гендерного равенства, которые возникают в регионах, а затем обсуждаются в отношениях между регионами и центром. В Италии дело обстоит совсем иначе. В-шестых, в Италии фамилизм как определяющая характеристика социального государства остается более сильным, чем в Испании.

Для определения модели гендерного режима мы учитываем следующие характеристики *гражданского общества*. Во-первых, значимым является тип женского движения. В Италии в большей степени, чем в Испании, оно фокусируется на проблематике различия, чем на повестке равенства и в большей степени ориентируется на государство. В Испании, напротив, присутствие фемократов и феминисток в левых партиях обеспечило преемственность в развитии политики гендерного равенства. Во-вторых, нужно принимать во внимание силу антигендерных движений и степень их поддержки формальными политическими акторами. Эти факторы более выражены в Италии, чем в Испании. В Италии установлены существенные связи между движениями и радикальными право-популистскими партиями в правительстве; в Испании эта политическая связка только начинает формироваться. В-третьих, значимой является сфера производства знания: если в Испании обще-

ственное мнение развивается в сторону прогрессивных идей в отношении гендерных ролей и большей секуляризации, в Италии превалирует консерватизм политической культуры и общества.

Подведем итоги. Факторы, способствующие проведению политики гендерного равенства, оказывают большее влияние на публичный гендерный режим в Испании, а консервативные и антигендерные силы политики и гражданского общества Италии создали более враждебный контекст для развития публичного прогрессивного гендерного режима. Устойчивость консервативных представлений о гендерных ролях в семье, в сфере занятости и политике оказывает влияние на сохранение структур традиционной семьи в Италии. В Испании, напротив, наблюдается тенденция развития семьи по модели двух работающих. Организованная религия в Испании также имеет существенное значение, но испанское общество более секуляризовано по сравнению с итальянским, что способствует продвижению практик гендерного равенства.

Это сравнительное исследование позволяет утверждать, что итальянский и испанские гендерные режимы существенно различаются в связи с различиями в отношениях между государством и гражданским обществом. Дальнейшие исследования должны проанализировать взаимодействие гендерных режимов с такими ключевыми сферами, как экономика, насилие, знание и сфера телесности и сексуальности. Такие исследования позволят более полно осветить различия между южно-европейскими режимами, которые проблематизируют весьма общие и неточные типологии. ■

Адрес для связи: <elombardo@cps.ucm.es>

> Кризис зашел слишком далеко?

Постковидный гендерный режим ЕС

Роберта Геррина, Бристольский Университет (ВБ), Хезер МакРе, Йоркский университет (Канада) и Анник Масселот, Кентерберийский Университет (Новая Зеландия)

Пандемия, в большей степени, чем предшествующие кризисы, проявила решающую роль женщин в поддержке экономики и социальной ткани общества. Рис. Арбу.

Мир запомнит 2020-й как год замедления мира. Многие аналитики утверждают, что распространение COVID-19 разрушило устоявшиеся социальные, политические и экономические определенности и нормы, которые управляли глобальной политической экономией. Другие видят в кризисе возможность осмыслить наше воздействие на планету и взаимосвязанность социально-политических структур. Перед ЕС, поколебленным различными другими кризисами, пандемия сформулировала экзистенциальную дилемму: в чем суть именно этого кризиса: открывает ли он путь к дезинтеграции или представляет собой возможность представить новый более инклюзивный Союз? Для нашего анализа особенно интересно ответить на вопрос, какова роль ЕС как гендерного актора пост-пандемического периода? И каково будущее гендера в ЕС?

Воздействие кризисов ЕС на гендерное и расовое неравенство и роль ЕС как гендерного актора, преследующего стратегические цели дискурса равенства в своих институтах, хорошо документировано. Воздействие настоящего множественного кризиса (процесса, при котором несколько накладывающихся друг на друга кризисов создают определенное состояние) на гендерный режим ЕС очевидно, как никогда ранее. Силвия Уолби считает, что под воздействием этих множественных кризисов гендерный режим ЕС изменяется в некоторых отношениях от социал-демократического к более неолиберальному, хотя в других отношениях он движется в противоположном направлении. По нашему мнению, множественный кризис является тестом для европейских ценностей и европейской идентичности, особенно в отношении аскрибированной роли

>>

ЕС как гендерного актора на своей территории и для своих внешних партнеров и соседей.

> Долгая история кризиса

История европейской интеграции – это история кризиса. Эти кризисы и их посткризисные эффекты обычно мифологизируются как ситуации, при которых открылись экономические возможности и появились новые политические пространства. Как исследователи, изучающие ЕС, мы знаем, что проект европейской интеграции был порожден сложной геополитической динамикой Европы двадцатого века. Подобно фениксу, возродившемуся из пепла растерзанной войной Европы. ЕС способствовал сохранению мира на континенте в течение почти семидесяти лет. Это, конечно, всего лишь часть истории. Такой нарратив оставляет без внимания провал ЕС в разрешении конфликта на Балканах, а также влияние единого рынка на более слабые экономики блока. При этом интерсекциональные феминистские линзы позволяют заметить, что новые возможности не доступны в равной степени каждому участнику. Более того, следующие один за другим кризисы отодвинули на второй план основные вопросы социальной справедливости и равенства.

COVID-19 оказался лишь последним в серии кризисов. Возможно более явно, чем предшествующие потрясения, пандемия выявила гендерное и расовое разделение труда в частной сфере и в сфере формальной экономики. Оценивая приоритеты плана постковидного восстановления, мы сможем увидеть будущее экономики и гендерного режима. Вопрос заключается в том, склоняется ли баланс изменений гендерного режима, описываемый Уолби, в сторону менее демократической модели или он открывает пространство для более инклюзивного будущего. Устройство мира после 2020 года необходимо понимать в историческом контексте множественного кризиса, определяемого кризисом евро в 2008 году (и ассоциированной с ним политики экономии), последующим гуманитарным кризисом на средиземноморском и других опасных путях миграции, контекстами брексита и подъема анти-европейских популистских движений на континенте.

> Гендерный режим в период COVID-19

Во время первой стадии кризиса COVID-19 в фокусе внимания был общеевропейский ответ и резильянтность национальных услуг здравоохранения. Сотрудники этой сферы, врачи и медицинские сестры описывались как герои, продолжающие работать в условиях напряженности в новой фронтовой зоне борьбы с вирусом. Во время этой фазы проявилась тенденции

секьюритизации общественного здоровья. Многие семьи реорганизовали жизнь и работу так, чтобы действовать из дома, выросшая нагрузка школьного обучения и практик заботы в значительной степени упала на женщин/матерей. Женщины на самом деле продолжают быть поставщиками неоплачиваемой, невидимой и все же существенно значимой заботы, которая поддерживает всю экономическую систему. Общеевропейский тренд таким образом заключается в растущей приватизации гендерного режима и усилении традиционного гендерного разделения труда.

Таким образом, меры здравоохранения, направленные на предотвращение распространения COVID-19, выявили один из наиболее значимых недостатков модели равенства, основанной на неолиберальном режиме. Содействие доступу женщин с детьми школьного возраста на рынок труда и активизация их участия в общественной жизни очень мало изменили глубоко укорененное гендерное разделение в сфере труда заботы в домохозяйствах. Этот кризис в большей степени, чем предшествующие, подчеркнул решающую роль женщин в экономике и значимость социального воспроизводства для функционирования формальной экономики. Многие ключевые работники, «сражающиеся с вирусом на передовой», – уборщицы, сестры, помощники по уходу, врачи – это женщины. Во многих случаях социальные меры, принятые с целью совладания с COVID-19, выявили устойчивость ценностей, лежащих в основе мужской модели кормильца. Ирония заключается в том, что работа, которая поддерживала европейское общество во время глобальной пандемии, является недооцененной, низко престижной женской работой, которую легко игнорировать. Она часто остается невидимой в официальных экономических отчетах, как и консервативный гендерный режим ЕС, на котором она основана. Представляется, что принятие в 2019 году Директивы ЕС о балансе работы и жизни мало повлияло на негативные аспекты нагрузки заботы, усилившиеся в ходе пандемии. Однако этот документ стал платформой для разработки «Политики ЕС в сфере заботы», документа, который будет включен в «План постковидного восстановления», принятый ЕС.

Каково будет влияние множественного кризиса на гендерные режимы ЕС? План восстановления, утвержденный Европейской Комиссией, позволяет представить, какой станет организация ЕС в ближайшем будущем. Мы видим ясно выраженное намерение поддержать «справедливый транзит» и восстановление, и на выполнение этих задач выделен очень внушительный бюджет. Не отвеченным остается вопрос о воздействии этих инвестиций на различные домены гендерного режима ЕС. ■

Адрес для связи: roberta.guerrina@bristol.ac.uk

> Игра с огнем: социология маскулинностей

Рейвин Коннелл, Почетный профессор, Университет Сиднея, Австралия, член ИК МСА «Женщины и общество» (ИК32) и «Концептуальный и терминологический анализ» (ИК35)

Статуя Гильгамеша в Сиднейском Университете. Мифический герой остался невредимым после схватки со львом. Ист.: Gwil5083 /Creative Commons.

Вопросы о маскулинностях – разных способах занимать социальную позицию мужчины – совсем не новые. Шумерско-аккадский Эпос о Гильгамеше четыре тысячи лет назад рассказывал историю о двух контрастирующих маскулинностях: знатном горожанине Гильгамеше и диком Экинду. Великая классика греческой литературы *Илиада* повествует о любви между Ахиллесом, печальным и очень способным убийцей, и Патроклом, его импульсивным и неловким спутником. Эти отношения были настоящим стержнем гомеровской истории.

Современная социология маскулинностей не опирается на легенды, хотя нам следует помнить ее глубокие культурные корни в историях о власти, насилии и товариществе. Как нам напоминает Южноафриканский психолог Копано Рателе, «традиционную» маскулинность очень легко чрезмерно упростить. Реальные традиции множественны, сложны и постоянно оспариваются.

> Возникновение: от половых ролей к структурной теории

Значение маскулинности может ставиться под сомнение различными социальными кризисами, от колониальных завоеваний до массовой безработицы, а также женскими движениями. Неудивительно, что первые психоаналитические исследования маскулинности (Фрейд, Юнга и, более всех, Адлера) совпали с женским суфражистским движением и появлением идеи «новой женщины» в центральной Европе. Это было общество, которое произвело первую полномасштабную социологическую теорию гендера, развитую немецкой феминисткой и преподавательницей Матильде Вертинг.

Поворотной точкой современных исследований маскулинности стало глобальное движение Женского Освобождения 1970-х годов. В то время основной социально-теоретической рамкой понимания гендера была идея «половых ролей». Она остается популярной в средствах массовой информации, в социальной психологии и в таких практических сферах, как образование и здравоохранение. Развитие маскулинности может интерпретироваться как обучение половой роли, а курение, плохая диета и автомобильные аварии среди молодых людей могут рассматриваться как следствия мужских ролевых норм.

Идея половых ролей – полезное первое приближение к социальному анализу гендера. Она предлагает четкую альтернативу вере в то, что маскулинность и феминность фиксируются генетикой или Богом. Она привлекает внимание к агентам (родителям, СМИ и т.д.), которые определяют нормы и оказывают влияние

>>

на социализацию. Это понятие признает, что половые роли могут меняться, если меняются социальные нормы, которые ими управляют. В 1970 г. многие феминистские группы видели своей целью изменение нормативной женской роли. Некоторые активисты пытались сделать то же для мужской роли, говоря о «мужском освобождении» наряду с освобождением женщин. В Соединенных Штатах эта повестка повлияла на прогрессивную национальную организацию мужчин, сформировавшуюся в 1981-1982 гг.

Однако вскоре стали очевидными серьезные недостатки понятия половых ролей. Часто предполагалось, что существует только одна мужская и одна женская роль в любом обществе. Однако эмпирические исследования раз за разом показывали многообразие гендерных паттернов. Ролевая теория не могла объяснить огромных гендерных различий в богатстве, доходах и владении землей, которая существует в большинстве частей света. В лучшем случае, она могла дополнить картину экономического неравенства. Теория половых ролей, наконец, имела большие трудности с концептуализацией вопросов власти и насилия.

К 1980-м гг., социальные ученые в нескольких странах пытались выйти за рамки подхода роль/норма. Они исследовали гендер как широкомасштабную социальную структуру, включающую экономику и государство наряду с семьей и межличностными отношениями. В то же время, конструировались более сложные образы картины маскулинности, в основу которых легли идеи движения за права гомосексуалов, движения за гражданские права и женского освободительного движения. Социологи также пользовались идеями психоанализа, этнографии и качественного анализа.

В 1985 г. Зигрид Метц-Гёкель и Урсула Мюллер опубликовали отчет *Der Mann* [Мужчина], который содержал анализ опроса о жизни и attitudes мужчин в Германии. В том же году, группа ученых из Австралии опубликовала манифест «К новой социологии маскулинности», и были проведены три заседания об «исследованиях мужчин» на активистской организационной конференции в США. Еще до этого, Ашиш Нанди в Индии опубликовал великолепное описание конструирования маскулинностей при колониализме *The Intimate Enemy* [Близкий враг] (1983).

> Глобальная территория

Через десятилетие была основана область научных исследований, известная как «мужские исследования» (параллельно с «женскими исследованиями»), *Männerforschung* (исследования о мужчинах) по-немецки, «исследования маскулинности», «критические исследования мужчин и маскулинности», и под другими аналогичными названиями. Изначальными центрами этой области знаний были богатые страны и регионы: Германия, Скандинавия, Великобритания, США и Австралия. Университеты не открывали факультеты исследований мужчин. Вместо этого, знания о маскулинности преподавались на более широких программах гендерных исследований или на гендерных курсах факультетов социологии, истории, литературы и других гуманитарных наук.

В течение 1990-х гг. и после, появились специализированные журналы. Сейчас существует восемь журналов в пяти разных странах, освещающие темы, связанные с маскулинностями. Было несколько инициатив по созданию специализированных

исследовательских центров, но только некоторые продолжают свою работу по сей день. В то же время, начиная с 1990х годов регулярно проводятся исследовательские конференции, посвященные данной тематике. Результат большого библиографического подвига, обширный список публикаций по теме поддерживается онлайн с 1992 г. при координации Майкла Флада из Австралии. Он свободно доступен на www.xyonline.net.

Дискуссии изначально были международными, и область исследований быстро стала глобальной. К началу XXI века появились или готовились к печати не только индивидуальные статьи, но и коллективные монографии, посвященные исследованиям маскулинности, проведенным в Индии, Чили, Бразилии, США, Британии, Германии, Южной Африки, Австралии, Японии и Скандинавских странах. Исследования мужчин для предупреждения насилия спонсируются агентствами ООН, например, в странах Южной и Юго-Восточной Азии. Появляется больше коллективных монографий авторов разных стран, посвященных таким темам, как маскулинность и спорт, маскулинности в условиях катастроф и маскулинности коренных народностей.

Среди всех усилий по всему миру наиболее устойчивой является программа изучения маскулинностей, организованная Хосе Олаварриа, Тересой Вальдес и их коллегами в Чили. Эта программа включает проведение серии международных конференций, издание книг и проведение исследовательских проектов. Программа успешно существует уже более 20 лет, и недавно отпраздновала очередную годовщину выпуском *Masculinidades en América Latina: Veinte años de estudios y políticas para la igualdad de género* [Маскулинности в Латинской Америке: двадцать лет исследований и политики гендерного равенства].

У этой области исследований всегда была практическая сторона. Ранняя связь с освободительными движениями означала интерес к меняющимся маскулинностям и противодействию угнетению. Было запущено много программ по борьбе с гендеризированным насилием, которые ставят перед собой непростую задачу объединить исследования и активизм. Исследования маскулинности быстро нашли применение в профессиональных сферах, включая образование мальчиков, психологические консультации и психотерапия, и проблемы со здоровьем мужчин (включая диеты, предупреждение несчастных случаев, курение, употребление алкоголя, стресс на работе и заболевания, передаваемые половым путем).

> Меняющиеся представления о маскулинностях

Ни одна область исследований не может оставаться неизменной. Исследования, в конце концов, существуют, чтобы расширять и корректировать наши знания. За последние сорок лет, исследования маскулинности пережили дебаты, сдвиги и иногда шоковые состояния.

Один из споров касается социологического понятия «гегемонной маскулинности». Эта идея была предложена в 1980-х гг. в структурном анализе и соединяла иерархию между разными маскулинностями с общим неравенством между мужчинами и женщинами. С этого момента, идея гегемонной маскулинности часто использовалась без изначального анализа социальной структуры. Несмотря на это упрощение, понятие помогает исследованиям маскулинности учитывать власть и неравенство

в гендерных отношениях. Поэтому понятие гегемонной маскулинности остается ценным для исследований маскулинизированных элит, школ, рабочих мест и средств массовой информации.

Однако остается опасность придать чрезмерную важность структурной детерминации. В ответ на эту проблему, предлагается фокусировать внимание на пластичности определений и практик маскулинностей. Такое решение поддерживают постструктуралистские подходы, в которых гендер понимается в основном в терминах дискурса. Особенно интересно предположение, что гегемонные формы маскулинности могут меняться, перенимая аспекты подчиненных маскулинностей. Из этой идеи появилось понятие «гибридных маскулинностей», полезное для понимания того, как меняются гендерные порядки.

Вопрос изменений поднимает стратегически важную тему. Как теоретически осмыслить более эгалитарные формы маскулинности, которые формируют практики жизни мужчин в обществе с большим гендерным равенством? Этой проблематике посвящены немало исследований. Исследователи изучают, как переизобретаются маскулинности в движениях по защите окружающей среды, в «справедливых» домохозяйствах, где мужья делают свою долю домашней работы или полностью берут ее на себя, в вовлеченных практиках отцовства молодых людей, среди солдат, которые стали антивоенными активистами. Мониторинги общественного мнения в некоторых странах показывают растущую приверженность равенству между мужчинами и женщинами и большее принятие гомосексуальных мужчин среди представителей молодого поколения. Остается спорным, следует ли считать все эти паттерны признаками единой новой формы маскулинности. Тем не менее важно знать, что, наряду с историями о насилии и угнетении, исследования свидетельствуют и о позитивных изменениях.

> Усложняя картину мира

Как и многие другие области социологии, исследования маскулинностей подвержены влиянию идеи интерсекциональности. Исследования маскулинности давно признали культурные различия, особенно в отношении социального класса. Исследование британской молодежи рабочего класса в *Learning to Labour* [Учиться труду] (1977) Пола Уиллиса – один из замечательных примеров. Вопросы этничности, расы и индигенности стали более центральными в последние десятилетия.

Термин «Интерсекциональность» позволил обозначить сквозные переплетенные социальные иерархии, однако эта геометрическая метафора часто производит статичную картину различий. Такие недавние работы, как *Les couleurs de la masculinité* [Цвета маскулинности] (2018) Мары Виверос Вигейи, основанная на полевой работе в Колумбии, показывают, как исторический динамический подход к интерсекциональности может выявить реальность власти, угнетения и социальной борьбы.

Очень важно для будущего этой области то, что социальные

исследования маскулинностей все больше включают постколониальные и де-колониальные перспективы, а также перспективы коренных народов и Глобального Юга. В течение десяти лет работы Ашиша Нанди, посвященные маскулинности в колониальной Индии, и Джока Филиппа о паттернах маскулинности в Аотеароа/Новой Зеландии, были практически единственными в постколониальных исследованиях. Это направление истории сейчас становится гораздо богаче. Также, существует растущее множество опросов, этнографий, институциональных исследований и теорий, посвященных маскулинности постколониальных и полу-периферийных стран. Авторы на материале Латинской Америки показывают, как империализм, колонизация и постколониальная зависимость формируют маскулинности.

> Политика знания

Я назвала эту статью «игра с огнем», потому что глубокие исследования маскулинности с большой вероятностью могут столкнуться с интересами власти. Социальные исследования и теория обычно опасны для конвенциональных взглядов, которые защищают социальные иерархии. Это серьезная проблема. Когда мы смотрим на самые могущественные группы в мире – миллиардеров, менеджеров транснациональных корпораций, генералов, политические элиты, религиозные авторитеты – мы видим очень маскулинизированные группы. Их сопротивление новой маскулинности не вызывает удивления.

Однако, бестселлеры о маскулинности это совсем не научные труды. Чаще всего ими становятся книги по популярной психологии, восхваляющие «настоящую мужественность». Первый грант на эмпирическое исследование маскулинностей я получила еще в 1980-х гг., и этот проект был опротестован консервативными политиками в национальном парламенте. Вся область гендерных исследований в университетах недавно была запрещена авторитарным правительством Венгрии. Другие правительства лишают финансирования гуманитарные и социальные науки в целом. Атаки на «гендерную теорию» в последнее время приходят от ультраконсерваторов католической церкви в рамках кампании, которая сейчас распространилась среди правых партий и движений во всем мире.

Так что это не мирная область исследований! И тем не менее более глубокое понимание маскулинностей важно, как для социальных наук, так и для борьбы за социальную справедливость. Это необходимая часть исследований гендера и сексуальности в самых различных направлениях – от исследований семьи до социологии индустрии. Знание о маскулинностях помогает нам понять трудности на пути социальных изменений и сопротивление этим изменениям. Эта область знаний предлагает социологам новые связи как с общественными движениями, так и с профессиональными практиками. И, возможно, самое главное: изучение маскулинностей добавляет новое измерение к нашему пониманию власти и того, как власть встраивается в повседневную жизнь. Важно, чтобы эта работа продолжалась. ■

Адрес для связи: <raewyn.connell@sydney.edu.au>

> Памяти Моны Абазы (1959-2021)

Майкл Буравой, Калифорнийский Университет, Беркли, США

Мона Абазы за своим рабочим столом в Американском Университете в Каире.

Мона Абазы на выставке фотографий из своей книги *The Cotton Plantation Remembered*.

5 июля 2021 года мир потерял одного из великих социологов. Мона Абазы скончалась после двухлетней борьбы с раком. До последнего дня она жила полной жизнью, до последнего дня следила за политической жизнью и пандемией. До последнего дня она общалась с друзьями. Страдая от постоянной боли, пораженная неизлечимой болезнью, она продолжала преподавать в Американском Университете Каира дистанционно, находясь в берлинской больнице. В течение своей научной карьеры она писала о разных проблемах: о жизни женщин в сельских поселениях Египта, отношениях между исламом и Западом, городской потребительской культуре, египетской живописи и Арабской весне.

Ее социология приняла форму искусства, что нашло блестящее выражение в двух ее последних книгах. *The Cotton Plantation Remembered* [Память о хлопковых плантациях] (2013) – это книга об истории ее семейного поместья, с прекрасными фо-

тографиями и любовно представленными голосами и глазами тех людей, которые там жили и работали – вели хозяйство, обрабатывали землю, работали на предприятиях. Книга выросла на материале разговоров и интервью, которые были собраны в течение нескольких десятилетий. Ее последняя книга *Cairo collages* [Коллажи из Каира] (2020) – лирическое осмысление десятилетней жизни в этом удивительном городе после январской революции 2011 года. Она глубоко описывает драмы, разворачивающиеся внутри и вокруг дома, в котором она жила в центре Каира. Это работа этнографического гения; она описывает жизнь дома, фокусируя внимание на лифте, который постоянно ломается и постоянно ремонтируется. И этот лифт в одном из домов Каира становится метафорой всего города – в которой волшебным образом сочетаются утопия и антиутопия.

Мона прекрасно владела английским, французским, немецким и, конечно, арабским

языками; она была связующим звеном между разными обществами и культурами и преодолевала четкие деления между Севером и Югом, Востоком и Западом, местным и космополитичным. Она всегда была щедрой и сочувствующей судьбам других людей.

Мона была близким другом *Глобального диалога*, где опубликованы ее статьи, посвященные подъему и поражению Арабской весны, сопровождаемые незабываемыми фотографиями. Этот цикл публикаций начинается статьей «*Revolutionary Moments in Tahrir Square*», [Революционные события на площади Тахрир]; затем следуют эссе «*The War of the Walls*», [Война стен] и «*The Violence of Egypt's Counter-Revolution*» [Насилие египетской контрреволюции]. Завершается этот цикл статей интервью под заголовком «*The Fate of Post-Revolutionary Egypt*». [Судьба постреволюционного Египта]. Ниже мы публикуем некрологи, написанные ее друзьями и коллегами. ■

Винита Синха, Национальный Университет Сингапура, Сингапур

Трудно найти слова, чтобы передать чувство утраты, вызванное уходом из жизни Моны Абазы. Мы познакомились давно, когда она проводила исследование в Сингапуре. Она была выдающимся социологом, активистом и феминистской исследовательницей; она была

замечательным учителем и вдохновляла коллег и студентов; ее уход из жизни стал невосполнимой утратой. Без сомнения, проведенные ею социологические исследования являются новаторскими. Международное признание ее работа получила в то время, когда ученые всего мира стара-

лись осмыслить гендерные, расовые и религиозные предрассудки. Мона была неутомимой, она излучала энергию и щедрость духа даже когда у нее были личные проблемы. Больше всего я ценила в Моне ее представление об инклюзивной человечности (гуманности), сензитивной к историям

>>

дискриминации и сохраняющимся предрассудкам. У нее была убежденность и мужество выступить против жестокости и насилия, свидетелем которого она была. В последние годы мы встречались на мероприятиях МСА в разных уголках мира, я постоянно убеждалась, что в своих суждениях и действиях Мона руководствовалась

простой человечностью, которая говорила о ее заботе и тревоге о судьбах молодых ученых и женщин-ученых Глобального Юга. Как учитель и феминистская исследовательница она была вдохновляющим примером для всех нас. В фокусе ее интереса были реконфигурация сексуальности, гендер, динамика власти, которые

по-прежнему глубоко влияют на социальные миры. Более всего, я буду тосковать по заразительной улыбке Моны, ее лучезарному взгляду, и ее всегдашнему стремлению сбежать со скучного заседания, чтобы выпить чашку кофе с другом или подругой. Покойся с миром, Мона. Твой уход – невосполнимая утрата для всех нас. ■

Брайан Тернер, Австралийский Католический Университет, Австралия

Мона была харизматическим дерзновенным интеллектуалом, диапазон интересов которого не поддается простому описанию. Ее преждевременная смерть стала печальным потрясением для друзей, студентов Американского Университета Каира и всего научного сообщества. Мне посчастливилось часто встречаться с Моной в разных местах – в Аделаиде (Австралия), Билефельде (Германия), в Нидерландах, в Кембридже (Англия), в Каире

и Сингапуре. Она часто публиковалась в журнале *Theory, Culture & Society* – лидирующем британском журнале в сфере культурных исследований. В 2013 году она опубликовала работу, посвященную истории хлопковых плантаций. Защитив диссертацию *PhD* в университете Билефельда, свободно владея несколькими языками, Мона была настоящим космополитом, чья работа и жизнь соединяли Восток и Запад. Многие исследователи ислама часто обра-

щают внимание исключительно на Ближний Восток, а ее работа с самого начала освещала взаимные связи Египта, Малайзии и Индонезии. Ее первая крупная публикация *Debates on Islam and Knowledge in Malaysia and Egypt* [Дебаты об исламе и знании в Малайзии и Египте] в 2002 году сделала ее одним из первых авторов, который обратился к исследованию «исламизации знания». Эта тема по-прежнему сохраняет свое значение. ■

Суад Джозеф, Калифорнийский Университет, Дэвис, США

Я познакомился в Моной Абазой более двадцати лет назад, когда в течение двух лет работал с ней на одном факультете, занимая позицию директора зарубежной образовательной программы Калифорнийского Университета в Каире. В то время она мне казалась неуловимой. Она была такой известной, такой востребованной, она все время куда-то уезжала, чтобы читать пленарные доклады, почетные лекции и проч. В моменты отдыха, когда мы могли спокойно поговорить на досуге за обедом в гостях у общих друзей, она поражала меня своим ярким дарованием, социологическими прозрениями, страстью ко всему египетскому, ко всему, что принадлежит арабскому региону. Ее критическая вовлеченность ярко проявилась во время египетских протестов

2011 года. Вместе с миллионами других египтян Мона активно участвовала в самых обнадеживающих событиях современного Египта и Арабского региона, но сочетание ее политической и научной вовлеченности делали ее особенной. То, что протестующие изобретали в качестве творческого языка революционной коммуникации, Мона сделала объектом научного изучения. Она исследовала граффити, которые заполнили в то время стены на зданиях, окружающих площадь Тахир и были подобны горнам, призывающим людей выразить свои мысли. Каждый день она ходила на площадь и фотографировала граффити, записывая таким образом голоса восстания, фиксируя исторический момент, насыщенный воображением, надеждами и духом миллионов египтян. Когда я приехал

в Каир, мы гуляли по площади и близлежащим улицам, и Мона описывала творческий характер борьбы за возможность выражать свои мысли и быть услышанными. Она записывала. Она документировала. Она регистрировала. Она трансформировала искусство в историю. Я был потрясен ее рассказами, ее видением революционной борьбы, ее волей и стремлением придать силы обычным простым египтянам.

Несколько лет спустя я и моя коллега Зейна Заатари предложили ей написать статью в наш *Handbook of Middle East Women* [Справочник по положению женщин Ближнего Востока] (*Routledge*). В это время она уже болела. Она навсегда останется с нами в своих работах. Навсегда! ■

Пол Амар, Калифорнийский Университет, Санта-Барбара, США

Мона Абаза является примером для исследователей всего мира. Своей работой она наводила мосты, преодолевая самые мощные разрывы традиционной западнорестриктской социологии, отделяющей сельское от городского, экономических субъектов от субъектов веры, материального от эстетического. Именно поэтому работа Моны в социологии носит революционный характер. Синтетическое социальное понимание Египта, которое она представляет в своих работах, является примером

для всей социологии XXI века. Число написанных ею работ поражает воображение. Каждая из них формирует относительно автономное поле исследований. Развиваемая ею городская социология потребительской культуры обогащена экономической антропологией протестных и коммодифицированных пространств. Ее исследования по социологии села привносят новые подходы к изучению гендера и класса, благодаря сравнению повседневного ислама в разных частях мира (Малайзия, Европа, Ближний Восток).

Ее социология искусства пронизана духом «улицы»; она изобретает рефлексивные способы анализа памяти, горевания и мемориализации. Три эти направления ее работы сформировали новые исследовательские поля, пересекались друг с другом и поддерживали друг друга. Мона была не только выдающимся ученым; она была невероятным щедрым учителем. Проводимые ею занятия стали легендарными; они привлекали иностранных ученых и сделали Американский Университет в Каире известным всему миру. ■

Сеид Фарид Алата, Национальный Университет Сингапура, Сингапур

Мона была редким по таланту ученым, заботливым и внимательным другом и прекрасным человеком. Ее уход из жизни напомнил мне о драгоценности близкой теплой дружбы, без которой научная работа может быть бессмысленной и отчуждающей.

Для меня научная работа Моны, которая характеризуется тематическим разнообразием, была не только блестящей и глубокой. Она затрагивала меня очень личным образом. В сво-

их ранних работах она критически исследовала производство знания в Египте и Малайзии. Этот фокус был уникальным: она была одним из немногих ученых, кто серьезно занимался одновременно Арабским миром (ее собственным регионом), Малайзией и Индонезийским архипелагом. Сегодня в контексте деколонизации знания много говорят об исследовании различных взаимодействий в ареале Глобального Юга, а Мона занялась этой проблематикой уже 30 лет назад.

Самый запоминающийся эпизод в моем общении с Моной – это наш разговор по телефону в 2020 году. Она лечилась с Берлине. Несмотря на свою болезнь, она сохраняла присутствие духа и спрашивала меня о нашем друге из Сингапура, который тоже был очень болен в то время. Мона была серьезным и влиятельным социологом и очень добрым учителем. Но я навсегда запомню ее как чудесного и внимательного человека. Прощай, Мона! Пусть твое путешествие в следующей жизни будет легким! ■

Сами Зубайда, Лондонская Школа Восточных Исследований, ВБ

Я помню Мону с ее студенческих лет, потом мы встречались в разных европейских странах, – Голландии, Германии, Швеции – где она занималась разноплановой научной работой. Наше живое общение и разговоры в Лейдене за бокалом вина или при осмотре достопримечательностей Лунда всегда приносили радость и были пронизаны юмором. С большим интересом и удовольствием я много лет следила за потоком ее различных проектов. Мне особенно нравились ее яркие описания египетской жизни и собы-

тий в истории этой страны, которые были и аналитичными и, в то же время, глубоко личными. Они создавали картину подъема и упадка городской жизни, от огромных шопинг-моллов и жилищной застройки до транспортной системы городов и пригородов. Это была глубокая городская этнография, насыщенная деталями, тонкостями и богатая юмором. Самым замечательным было ее страстное описание хронологии событий на площади Тахрир и следующее за ним новаторское изучение граффити. Она не ограничивала свое внимание лишь

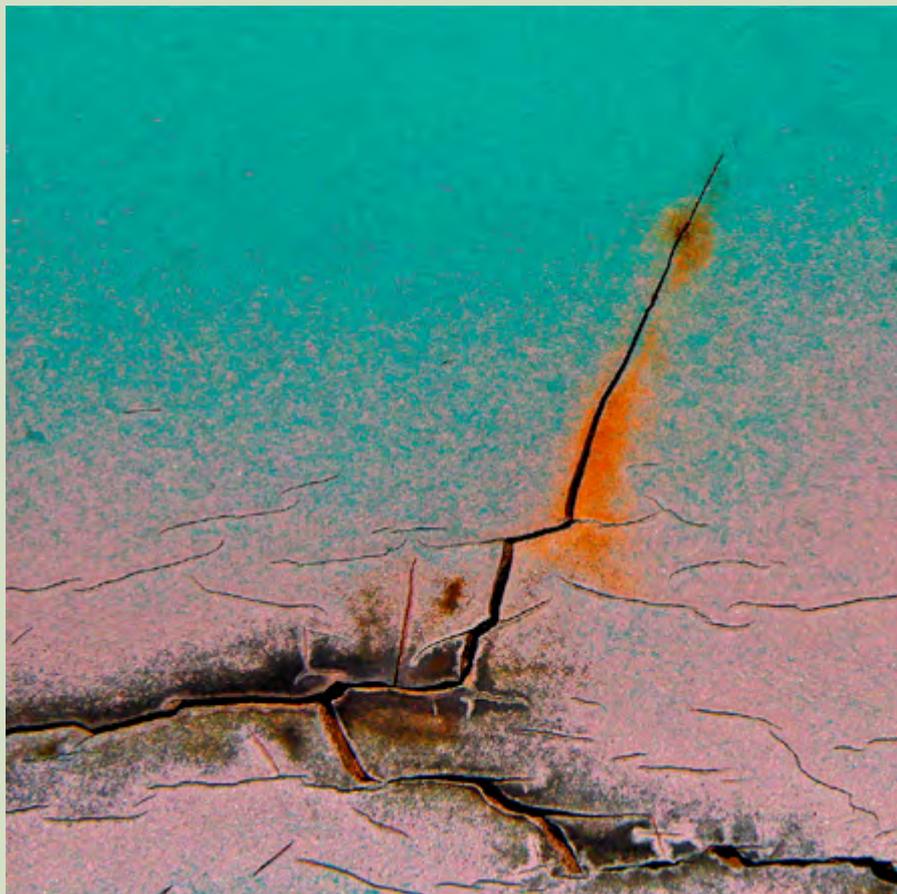
городской сценой. Написанные ею воспоминания о семейной *izba* и деревне в работе *The Cotton Plantation Remembered* [Память о хлопковой плантации] рассказывают о трансформации сельской жизни и тонко сочетают биографический и исторический нарративы. Самым интересным в различных этнографических работах Моны были сделанные ею фотографии, которые стали дополнительным измерением ее глубинного понимания и искусства. Уход Моны – это огромная утрата для всех нас и для всего богатства научной жизни. ■

Основные работы Моны Абазы:

- *Debates on Islam and Knowledge in Malaysia and Egypt, Shifting Worlds.*
[Дебаты об исламе и знании в Малайзии и Египте, изменяющиеся миры].
Routledge Curzon Press, UK, 2002
- *Twentieth-Century Egyptian Art: The Private Collection of Sherwet Shafei.*
[Египетское искусство XX века: частная коллекция Шерветы Шафей].
The American University in Cairo Press, 2011.
- *Changing Consumer Cultures of Modern Egypt: Cairo's Urban Reshaping.*
[Изменение потребительских культур современного Египта: городские изменения в Каире].
Brill-Leiden co-published with AUC Press, 2006.
- *The Cotton Plantation Remembered: An Egyptian Family Story.*
[Память о хлопковых плантациях: египетская семейная история].
The American University in Cairo Press, 2013.
- *Cairo collages. Everyday life practices after the event.*
[Коллажи Каира. Повседневные практики после события].
Manchester University Press, 2020.

> Введение: новые направления индийской социологии

Сужата Пател, Университет Умеа (Швеция), член ИК МСА «История социологии» (ИК08), «Городское и региональное развитие» (ИКС21), «Теоретическая и терминологическая социология» (ИК35), «Историческая социология» (ИК56), член правления ИК08

Индийские социологи в последние годы разрабатывают новые теоретические подходы к пониманию современных процессов социального и политического развития. Старые понятия больше не работают. Ист.: Evelyn Berg /flickr.

Социологическое знание в Индии всегда было тесно связано с политическими проектами колониализма и национализма. Однако, начиная с 1980х и 1990х годов два ряда процессов подстегнули группы и индивидов освоить новый язык прав человека и поставить под сомнение понятие пассивного гражданства, артикулированное индийским государством. На одном уровне наблюдался рост общественных движений женщин, племен, низших каст и этнических групп, а также региональных движений за самоопределение и субнационализм наряду с выступлениями в Кашмире и на Северо-восточной Индии. На другом уровне происходит консолидация индуистского мажоритаризма.

Эти процессы оказывают влияние на социологическую мысль, а устоявшиеся социологические принципы, определяемые этнологией, начинают пересматриваться. Новое поколение ученых вышло за пределы дебатов об индигенной и западной социологии, переформулировало исследовательские вопросы, концептуальные модели и методы исследования. Они задаются вопросами о том, что такое социология и может ли

она продолжать использовать колониальные и националистические методы этнографии, чтобы осмыслить индийскую «социальность». Какие новые методы могут применяться? Пригодны ли эти методы для сравнительных исследований? И, наконец, каково отношение социологии к тем, кого эксплуатируют, подвергают дискриминации и исключают, не только в Индии, но и во всем мире?

Четыре статьи этой рубрики ГД, посвященной индийской социологии, являются попыткой осмыслить новую «социальность», которая конституируется в Индии. Эти тексты подвергают переоценке современные процессы модерна, которые продвигаются индийским национальным государством. В них анализируются разрывы и конфликты, порожденные этими процессами, которые привели к открытым и скрытым практикам насилия в отношении субалтерных групп и повлияли на доверие между индивидами, группами и внутри них. Авторы статей размышляют об ограничениях и барьерах, с которыми они столкнулись, опираясь на этнографию как теорию и метод. Они выражают сомнения и задают вопросы, стараясь использовать новые

>>

понятия и подвергая рефлексии теорию и методы, чтобы с их помощью осмыслить сложные процессы изменений в стране.

Ракеш Кришман считает, что в основе колониальной и постколониальной политики в отношении племен – социальных групп, проживающих в центре Индии, – лежит принцип двойственности. С одной стороны, колониальное и позже националистическое государство определяли племенные группы на основании административных территорий или отдельных районов с целью охраны их культуры от влияния основных «цивилизованных» и «оседлых» сельских регионов. С другой стороны, убежденность в линейном характере изменений и развития привело эти режимы к запуску программ подключения этих групп к современным цивилизованным аренам. Такая двойственность привела к росту конфликтов, противоречий и борьбу племенных движений за суверенитет. Чтобы теоретизировать этот парадокс, Кришман предлагает использовать понятие *фронтiera* (*frontiers*). Он утверждает, что в настоящее время исследования центральной Индии не проясняют ситуацию, и только исторический подход может помочь социологам осмыслить диалектику отношений между государством и населением и сопряженные с ней конфликты, противоречия и хаос.

В отличие от этнографов/антропологов, изучающих племена и поддерживающих колониальные и националистические политики, которые защищают принцип двойственности, социологи, занимающиеся гендерными исследованиями с конца 1970х годов, отказались от этнографии в пользу исторического анализа. Снеха Гоул утверждает, что этот подход позволил феминистским исследованиям Индии радикальным образом переосмыслить и дестабилизировать представления о «женщине» и механизмы их создания в колониальных и националистических рамках, а также в ранних исследованиях женского движения в Индии. Дебат об интерсекциональности, развернувшийся в 1990х годах, также способствовал такому переосмыслению. Гоул показывает, как биографический нарративный метод и концептуальные находки исследований памяти помогают ей понять, как три поколения феминисток переосмысливают свою жизнь и более ранние активистские действия, опираясь на интерсекциональную перспективу. Она утверждает, что переосмысление собственной жизни помогает этим женщинам выявить способы, которыми переплетение класса, касты, сексуальности, ограничений, связанных со здоровьем, и региональной принадлежности определяют их феминистские идентичности. Эти нарративы о жизни позволяют сформировать концептуальный аппарат осмысления интерсекциональности в индийском контексте.

Далее в двух статьях обсуждаются способы использования этнографии в новых контекстах и теоретических перспективах. В северо-восточном регионе Индии, население которого британцы называли племенами, существует долгая история народных возмущений. Они не прекратились после того, как Индия стала независимой, и даже после того, как новое государство ввело в регионе военное положение, а Указ о специальном во-

оруженном контингенте наделил военных правом управления регионом, что сделало жителей этой территории скорее подданными, чем гражданами. В этом контексте Сойбам Хариприя спрашивает: как в такой ситуации заниматься социологией и этнографией? Усиление конфронтации между военными и протестующими приводят к дефициту доверия и поискам коллаборационистов. Кроме того, неоправданные убийства на основе простых подозрений насыщают полевыми жизнь социолога слухами и порождают взаимное недоверие. Сойбам считает, что этот сложный контекст создает серьезные проблемы даже для местного социолога-инсайдера, члена той этнической группы или племени, которые он изучает. Как в таких условиях изучать насилие, которое воздействует на социальные отношения? Сойбам обсуждает методологию проведения полевых исследований в контексте насильственных действий: она думает, что обращение к литературным текстам поможет осмыслить контекст более глубоко, чем понимание поля, которое предлагает этнография.

Автор последнего эссе этого раздела – Ширин Мирза – считает, что этнография может помочь в понимании того, как кастовая идеология взаимодействует с модерностью. Она этнографическими методами изучает городскую санитарную систему современной Индии и рассматривает ее как государственное управление кастовым загрязнением. Она изучает санитарную систему в Мумбае, где муниципалитет рекрутирует для уборки мусора представителей «нечистых» каст, занимающих самые низкие места в кастовой иерархии. Именно эти люди убирают и моют улицы, вывозят отходы, работают на свалках. Она считает, что понятия стигмы и кастового труда помогают осмыслить ситуацию, когда люди, выполняющие такие работы, обозначаются через категорию загрязнения. На примере мусульман и индуистов из касты неприкасаемых (далиты), она показывает, как в позиции мусорщиков пересекаются идентичности касты и религии. Эта этнографическая работа позволяет ей поставить под сомнение колониальную интерпретацию, которая проводила жесткое разделение между индуистскими кастами и другими меньшинствами. Дестабилизируя существующие и новые понятия, Мирза представляет телесно воплощенные истории касты и стигмы на примере муниципального управления уборкой мусора в Мумбае. Ее этнография показывает, что стигматизированное тело производится как носитель кастовой материальности и выстраивается в отношениях с конкретными объектами.

Все статьи этого раздела подчеркивают те нюансы, которые нужно учитывать, чтобы следовать «хорошим практикам» социологической работы. Они призывают не только к росту рефлексивности, которая должна пронизывать политики производства и циркуляции знания, но также утверждать релевантность научных оценок для осмысления отношения современности к принципам гуманизма. ■

Адрес для связи: <patel.sujata09@gmail.com>

> Деконструкция племенных географий в центральной Индии

Ракеш М. Кришан, Университет Хидерабада, Индия

В этом эссе я утверждаю, что историческая социология жизненно необходима для развития социологической интерпретации племенных сообществ. В настоящее время антропологическая литература о племенных сообществах, необходимая для социологического анализа, страдает от недостатка контекстуализации и историзма. Я считаю, что сравнительная историческая реконтекстуализация аналитических категорий, может прояснить запутанные связи племенного мира. Я считаю, что категория *фронтiera* (“*frontier*”, рубеж - вариант перевода) способна охватить эти запутанные связи, ограничения государственной власти и настроение людей, живущих в этих населенных пунктах. Слово *фронтiera* понимается как граница поселения, за пределами которого существует неизвестное, и то, что остается неизвестным о конкретном субъекте и его действиях. Понятие фронтiera помогает критически осмыслить интерфейс различных культур социального порядка и социального инжиниринга.

> Колониальные географии

Понятия различия и иерархии, продиктованные колониальными политиками в отношении племенных сообществ – социальных групп, проживающих в холмистом регионе центральной Индии, регионе, где много рек и густых лесов, богатых минеральными ресурсами – необходимо переосмыслить. Для описания людей, живущих в центральной Индии, колониальная администрация стандартно использовала термин «племя», который был заимствован из языка описания африканской сцены. Эти группы описывались как «примитивные», «дикие», «варварские», поскольку они следовали анимистическим религиозным практикам; подчеркивались их отличия от оседлых индуистских кастовых крестьянских сообществ. Сложности управления этими «дикими территориями», которые с начала XIX века были местами народных возмущений и бунтов, привели колониальные власти к принятию Закона 1874 года об особом статусе районов. Таким образом колониальное право создало географию различия, с помощью которой колониальное государство идентифицировало места и контролировало племенные общины как аутсайдеров цивилизованного общества. В этих административно-географических анклавах колониальная администрация и миссионеры осуществляли «цивилизующую миссию», направленную на интеграцию племенных общин в основное русло индийского общества. Подчиненная позиция племенных общин в колониальной схеме управления шла вразрез с доколониальным представлением о племенных общинах как людях и местах, находящихся вне прямого контроля государства.

Колониальные законы посягали на природные ресурсы и землю племенных общин, что приводило к росту напряженности в районах поселения. Племенные общины первыми стали сопротивляться британской колонизации, поскольку хищнический капитализм, посягательство на землю, политика оседлости и налоговая система разрушали их образ жизни. Ученые и антропологи, обслуживающие колониальную администрацию, проводя опросы, ведя документацию и предоставляя отчеты, содействовали реализации проекта институционализации различий и иерархий. Государственная политика и антропологические исследования постколониальной эпохи продолжали относиться к этим общинам как состоящим из людей, устойчиво склонных к дикости, которых необходимо удерживать в границах территорий, находящейся вне цивилизованной культуры.

> Племенные общины и проект национального строительства

В позднеколониальные и первые годы независимости антропологи обсуждали локацию племенных общин в рамках проекта национального строительства. Эти подходы различались в диапазоне от представлений о мире «благородных дикарей» до идеи ассимиляции этих общин в индийское общество. Хотя эти подходы разрабатывали различные стратегии, они продолжали следовать колониальному пониманию различия и иерархии в осмыслении социального положения племен. С помощью антропологов государство не критически воспроизводило колониальные категории и рассматривало племенные общины как группы дописьменной культуры, которые нуждаются в постоянной помощи со стороны национального государства. Даже националистические социальные науки (включая антропологию) не принимали во внимание изменения в производительных силах и общественном сознании в этих географических локациях. Оставались без внимания также преходящий характер и сомнительная релевантность колониальных различий и иерархий в постколониальном обществе. Поэтому племенные общины по-прежнему воспринимались как подчиненные социальные группы, находящиеся на первой стадии эволюционного цикла, статичные и сопротивляющиеся изменениям. Такая позиция лежит в основании двух последующих политических программ в отношении территорий: обеспечение охранного статуса, отличающего территории от индуистских крестьянских общин и одновременно капиталистическое развитие территорий проживания племен. Государство и социальные науки стремились к «развитию» племен, разрабатывая планы развития территорий и создавая агентства по интеграции и развитию племен. Образовательные, медицинские и другие инфраструктурные иници-

«С помощью антропологов, изучающих племена, государство некритически использовало колониальные категории и рассматривало племенные общины как группы, находящиеся на дописьменном уровне развития и нуждающиеся в постоянной помощи национального государства»

ативы демонстрировали «модерность» даже в тех случаях, когда племенные общины получали правовые привилегии и их социально-культурные права были гарантированы законом.

Программы развития, запущенные национальным правительством, не противостоят посягательству капитала и чужаков на племенные территории. Более того, создание национальных парков привело к отчуждению племенных общин от национального государства. Рост числа проектов извлечения природных ресурсов, строительство шахт и дамб, изменили ландшафт территории и вызвали движения за независимость племен. Начиная с 1970х гг., коммунистические революционеры и разочарованные племенные общины стали базировать свою критику на тезисе о капиталистическом накоплении с помощью изъятия собственности (*accumulation by dispossession*).

Не каждая племенная территория получила особый статус, и не все племенные народы остались изолированы от большого индийского общества. Некоторые горные общины не получили охранного статуса, и их земли превратились в пространства урбанизации и туризма. Другие горные и лесные общины потеряли свои земли, которые теперь используются для плантаций и культивации леса. Члены племенных сообществ, живущие за пределами административных анклавов, стали наемными работниками. Те, кто проживает в анклавах, остаются изолированными и является аутсайдерами цепи функционирования капитала. Этот хаотичный ландшафт усиленный колониальным и постколониальным капиталом, совсем неверно оценивался индийскими антропологами и социологами.

> **Фронтир: понятие, замещающее правительственные категории**

Социология племенных общин опиралась до недавнего времени на колониальную рамку и некритически использовала государственное фреймирование инклюзивного исключения, процесса, который одновременно исключает эти племена из

понятия общего населения с помощью географического администрирования и политики интеграции с помощью образования, а, с другой – следует стратегиям ассимиляции, которые увековечивают различия и иерархии. Этот процесс в основном ограничивался оценкой программ и проектов правительства, целью которых были эмпирические задачи решения проблем. Националистические социологии не обладали историческими и сравнительными средствами осмысления проблем племенных сообществ, и частично это было вызвано наследием гегемонного социологического воображения в Индии. Субординация племенных народов в колониальном и националистическом фреймингах оставляет без внимания такие существенные процессы, как коллапс культурной географии племен, редуцирует их обитание административными границами и не видит выраженных траекторий племенных взаимодействий за пределами этих административных анклавов и внутри них. Чтобы преодолеть такое невнимание к смыслу эпистемических категорий, необходимо эвристически развивать историческое и географическое измерения сравнительного метода и вытеснить структуры власти, которые нашли выражение в понятии «племя». Я утверждаю, что понятие *фронтир* позволяет осмыслить границы антропологии; понятие «племя» контекстуализируется в контексте географии, конституированной колониальными и постколониальными государствами. Категория *фронтир* схватывает мобильности и потоки жизненного мира племени и запутанную диалектику отношений между государством и народом. Кроме того, понятие *фронтир* позволяет отделить известное от неизвестного; оно напоминает национальной социологии о том, что необходимо изучать различия и иерархии, созданные колониализмом и постколониальным национальным государством. Таким образом, я утверждаю, что понятие фронтаира подрывает географическую идеологию, которая формирует субъективность «субординированных» социальных групп и помогает нам по-новому развивать социальные науки. ■

Адрес для связи: <rakeshmkrishnan@gmail.com>

> Феминистские интерсекциональности: новые подходы

Снеха Гоул, Университет Савитрибай Фул Пуна, Индия

Агитация за участие в акции против насилия в отношении женщин. Г. Гадхингладж-Колхапур, штат Махарашта, 2014. Ист.: Sanjeev Bonde / [Wikimedia Commons](#).

Эта статья обсуждает феминистские поля и то, как в них происходит реконструкция категории «женщина». Я рассматриваю как интерсекциональность и концептуальная история этого понятия в Индии (отличная от американского контекста пересечения гендера и расы) помогает новому осмыслению, методологические объединяя нарративный анализ и исследования памяти. Я обсуждаю эту проблематику, анализируя повествования о жизни феминистских активисток (участниц женского движения) штата Махарашта. Я приняла решение дать голос активисткам, поскольку они сыграли большую роль в понимании и операционализации субъекта феминистской политики. Я проводила интервью с представительницами трех поколений, принадлежащими к одному языковому сообществу. Интервью показывают, что их воспоминания фреймированы в соответствии с теорией интерсекциональности и тем, как они по-новому осмысливает категорию «женщина».

> Категория «женщина»: фрейминг единства

Гегемонные колониальная и националистическая рамки особым образом воображали категорию «женщина». В колониальной рамке статус «индийской женщины» стал выразителем индийской цивилизации (или ее отсутствия) и пространством дебатов о том, что такое «аутентичная» «индийская» традиция.

При этом обнаружилась конфронтация между мужчинами-колониальными и представителями местной элиты. Это вело к восприятию женщин как репрезентации нации – от образа Матери Индии до валоризации частной сферы как автономного пространства развития национального, противостоящего публичной сфере. *Savarna* – женщины, принадлежащие высшей касте и среднему классу, – стали восприниматься как выражение сути «индийской» женщины. Гегемонный националистический дискурс продолжал обозначать женщин как «эмблему культуры». Постколониальное государство также относилось к женщинам как к «слабым сегментам» общества, помещая их одновременно в рамки модерности и традиции. К женщинам обращались либо как к существам, ответственным за биологическое воспроизводство в рамках институализированных программ планирования семьи, либо как «к неработающим» женам с помощью интервенций подобных *mahila mandals* (националистические организации женщин). Работающие женщины, принадлежащие к низшим кастам, или региональные отличия, определяемые языковыми сообществами, оставались в таких постколониальных формулировках невидимыми и маргинальными.

В 1970е годы в ходе новой фазы женского движения старые категории были переосмыслены. Опыт стал местом формирования знания и основанных на нем представлений о структурной дискриминации (понимаемой в контексте левых идеологий) и

>>

насилия в отношении женщин. На этом этапе движение бросило вызов «традиции», разделению на публичное и приватное и кастовому определению женщин как символов нации. Движение поставило в центр своего внимания положение крестьянок и женщин из рабочего класса, подчеркивая их роль в производстве и труде как объектов эксплуатации. Такое толкование бросило вызов господству националистической и колониальной рамок и в то же время подчеркивало женское единство как субъекта развития и модерности и маскировало неравенство между разными категориями женщин.

> Шаг к интерсекциональности

1990е годы ознаменовались дискурсивным сдвигом: националистический дискурс определял женщин в рамках дискурса управляемости, а женское движение стало использовать категорию «гендер». В этом контексте интерсекциональность была операционализована на двух уровнях: как концептуальная рамка анализа и как организационная стратегия беспартийных женских групп, представляющих различные угнетенные группы, такие как: далиты (буквально это слово означает «разбитые», оно используется как маркер идентичности касты бывших неприкасаемых); лесбиянки, мусульманки (воинственные религиозные меньшинства) и ДОК (другие отсталые классы – низшие касты, маркированные по признакам социальной и экономической отсталости). Каждая из этих групп отсылала к опыту конкретного переплетения категорий, определяющих их положение, и критиковала историческое отсутствие своего опыта в мейнстримной феминистской политике Индии. Интерсекциональность является результатом концептуализации положения афроамериканских женщин, определяемого пересечением расы и гендера. Однако в Индии это понятие развивалось по сложной траектории, поскольку гендер переосмысливался по многим основаниям – классовым, кастовым, принадлежности к племени, сексуальной ориентации, в отношении возможностей здоровья, по принадлежности к языковому сообществу и по религиозной аффилиации. Феминистское осмысление положения и идентичности далитов наиболее остро подчеркнуло несостоятельность представлений о единстве женского феминистского субъекта. Внимание было привлечено к опыту и борьбе женщин-далитов, особенно в сфере семейных, родственных и супружеских отношений. Однако, понятие касты как категории для обозначения неравенства создает более сложную картину, нежели бинарная оппозиция расы и класса, или *savarna*/далит, и потому нуждается в дальнейшей разработке. В этом контексте я утверждаю, что пространство феминистской политики переосмыслило категорию «женщина» в духе интерсекционального подхода, что становится очевидным при анализе сдвигов в биографических нарративах активисток, описывающих разные периоды участия в движении. Таким образом, моя работа показывает, что теория интерсекциональности становится критическим теоретическим ресурсом, помогающим охватить способы, которыми «женщина» конституируется в контексте множественных неравенств.

> Работа нарратива и памяти

Если 1970-е годы позволили феминистским активисткам минимизировать различия, порожденные кастовым статусом и осветить единство и универсальные черты женского опыта, то

сегодня политический контекст и формулировка женского вопроса изменились, что привело к тому, что участницы движения по-новому осмыслили свой конкретный кастово-классовый статус, его отношение с институтами семьи-брака-родства-сексуальности и посмотреть, как эти обстоятельства повлияли на их предшествующий опыт. Женщины, которые активно участвовали в движении в 1970е и 1990е годы, в новом свете вспоминают свое детство и формативные годы. Теперь они осмысливают свою жизнь в зависимости от кастового происхождения, которое формировало их статус и сопряженные с ним условия и возможности. Даже те из них, кто руководствовался прежде идеологией касты как домодерной категории и считал, что использование ее в современный период в политике идентичности приводит к ненужному расколу в общенациональном женском движении, даже они теперь хотят переосмыслить свою жизнь с учетом различных измерений системы кастового-классового-гендерного-сексуального неравенств, которая определяет интерсекциональность в современной Индии. История о себе теперь рассказывается по-новому в терминах кастово-классовой социализации, опосредованной институтами семьи, брака и родства. Метод анализа биографических нарративов помогает не только переинтерпретировать воспоминания о пережитом интерсекциональном опыте, но также помогает теоретизировать интерсекциональность в индийском контексте. В ходе исследования биографических нарративов появляется возможность формулировать новые феминистские представления об индийской версии интерсекциональности.

Метод биографического нарратива в сочетании с исследованиями памяти помогает нам понять, как современные идеи феминистских исследований влияют на реконструкцию нового Я феминистского активизма. Эти методы позволяют анализировать привилегии и субординации, пронизывающие разные иерархии индийского общества. Этот метод не только подчеркивает значимость феминистской рефлексивности для деконструкции гегемонного колониального, националистического или раннего феминистского дискурса о единой универсальной женственности, но также помогает продвинуть теоретическое понимание современной интерсекциональности. Кроме того, эта методология помогает нам реконтекстуализировать индивидуальные воспоминания, осмыслить сдвиги в коллективной политике и выявить возможные пути ее продвижения. Таким образом теория интерсекциональности в применении к современному индийскому обществу представляет собой комплексное позиционирование градации кастовых групп, религиозных сообществ и языковых сообществ. Мы отдаем себе отчет, что наша гипотеза нуждается в дальнейшей проверке на примере других регионов страны, т.к. мы проводили интервью только в одном языковом сообществе. Однако такая гипотеза открывает возможности обсуждения различий и связей между иерархиями, которые существуют в других языковых сообществах Индии. Таким образом этот проект не предлагает какой-то жесткой схемы интерпретации других региональных и политических контекстов, но, скорее, намечает пути дальнейшего изучения. Эта история, которая опирается на данные, полученные в конкретном региональном поле, содержит много уроков для понимания современного конструирования позиции женщины в Индии. ■

Адрес для связи <gole.sneha@gmail.com>

Подобные акции протеста происходят очень часто. Фото: Соибам Хариприя 2011.

Меня считали инсайдером, потому что я родом из Манипура. Однако, вопрос не/доверия стал одной из центральных проблем моей полевой работы. Добываясь доверия, я, прежде всего, должна была переосмыслить терминологический аппарат поля. Я отказалась от использования таких терминов, как «информанты» или «сотрудники». Отказ от терминов, которые ассоциируются с уничтожительными значениями, приписываемыми агентам государственного военного аппарата – это первый шаг в завоевании доверия. Во-вторых, в тех местах существует общее сопротивление исследовательской работе. Есть ощущение, что инструменты исследования не могут ухватить историчность насилия и просто воспроизводят колониальную этнографическую репрезентацию жителей региона как людей по своей сути враждебных и подозрительных друг к другу и, в особенности, к аутсайдерам общины. С одной стороны, исследование, проводимое аутсайдером, ставит в таких полях вопрос соучастия политике насилия, даже если исследователь не поддерживает активным образом проект государственного насилия. С другой стороны, поскольку поле пронизано взаимным подозрением, доступ к полю неизбежно опосредован идентичностью исследователя. Поскольку современная социальная жизнь региона формировалась в течение многих лет милитаризации, адекватность обычных методов и инструментов исследования должна быть поставлена под сомнение. В-третьих, как предполагаемый исследователь-инсайдер я обнаружила, что доступ в поле усложняется тем, как люди категоризируют исследователя – по критериям родства, дружеским связям и институциям, или по близости к государственным/негосударственным структурам. Большинство обсуждений поля и методов фокусируется на вопросе о том, говорят «информанты» правду или нет. Однако в таких полях, как мое, стоит не забывать, что исследователь также находится в позиции разглядываемого, а вопросы правды, фальши и доверия предьявляются и к исследователю.

> Необходимость междисциплинарного подхода

Чтобы получить доступ в поле и «расширить» его, я использовала междисциплинарный подход, дополняя собранные нарративы поэтическими текстами, написанными между 1980 и 2010 годами. В 1980 г. ЗСПВС применялся на всей территории Манипура. Я анализировала, как культура страха выражалась в поэзии (и других культурных продуктах, таких как песни, худо-

Протест против немотивированного задержания молодого человека представителями индийской армии. 2011 г. Фото: Соибам Хариприя.

жественная проза и визуальные источники). Так, например, я анализировала сатирическое стихотворение Тунгам Ибопишака (Thangjam Ibopishak) «I want to be killed by an Indian bullet» [Хочу быть убитым индийской пулей]. В этом стихотворении рассказывается как пять природных элементов – огонь, вода, воздух, земля и небо – приходят домой к поэту, чтобы убить его без всякой причины, кроме той, что их миссией является убийство людей. Поэт просит их убить его пулей, отлитой в Индии. Он спасает свою жизнь, потому что они не могут выполнить его последнее желание. Я интерпретировала эти пять элементов как обозначение анонимности карательных отрядов, несущих смерть (поэтому невозможно атрибутировать насилие государству или не государству), которые хватают свои жертвы или расстреливают их в их собственных домах. Отсутствие понятной причины для убийства предполагает, что смерть человека или спасение от смерти (как в случае поэта) – это абсурдные, случайные решения. Последняя воля поэта – это высмеивание национального государства, которое впустую объявляет себя гарантом конституционного права на жизнь. Стихотворение выражает гнев против милитаризации, с помощью которой насилие проникает в домашний мир.

Такие стихи помогают понять восприятие смерти в контексте, когда полевые нарративы могут быть угрозой для жизни. Я всем не хочу сказать, что антропологи должны бросить этнографию и посвятить себя анализу поэзии. Я лишь предлагаю способы изучения насилия в тех случаях, когда у нас нет доступа к явным свидетельствам. Исследователи должны быть открыты к методологической гибридности. Однако, когда сама этнография трансформируется в литературный жанр, нет причины не инкорпорировать поэзию как жанр, который схватывает опыт насилия, который не может зафиксировать «объективный» отчет о полевой работе. Поэзия сопротивляется уничтожению, она создает социальное знание, которое сосуществует с фактами поля. Я хочу сказать, что антропология должна исследовать свои исследовательские инструменты, расширить спектр своих источников и научиться у других дисциплин сохранять свою критичность в пространствах, пронизанных насилием, порожденным государством. ■

Адрес для связи <priya.soibam@gmail.com>

> Стигма и кастовый труд в городской Индии

Ширин Мирза, Индрапрашта, Институт информационных технологий, Дели, Индия

Деонар – пригород Мумбая, где расположена самая большая городская свалка. Фото: Ширин Мирза.

В этой статье я утверждаю, что, с одной стороны, социология идентичности создает касту и религию как четкие социальные категории, разделяя людей на индуистов и мусульман. Однако, с другой стороны, системы капитализма и урбанизации объединяют практики кастовой и религиозной принадлежности с помощью механизмов стигматизированного труда и пространственной сегрегации. В этом контексте необходимо в центр теоретизирования поставить категорию стигмы, т.к. она позволяет исследовать пересекающие структуры и преодолевать дисциплинирующие категории, которые имеют колониально-националистическую генеалогию. Я утверждаю, что необходимы новые категории, которые могли бы охватить сложные реалии, и именно этнография позволит создать эти новые категории.

> Дискурсивная бифуркация касты и религии

Гегемонная социология касты отслеживает связь между стигматизированным трудом и кастой с религиозной идеологией индуизма и традиционными социальными практиками индуистов. Легитимность кастовых различий опирается на представления о карме (сила, производная от действий), дхарме

(праведный путь) и варне (порядок), что сформулировано в древнем индуистском тексте Манусмрити (Законы Ману). Эти представления, как считается, структурируют понятия чистоты и загрязнения, с помощью которых ритуально ранжируется индийское общество, в котором различаются четыре социальные группы, а также выделяются касты неприкасаемых (*avarna*), которые расположены вне варны, и представители которых выполняют «грязные» работы. Социологический анализ, основанный на дискурсах кастовой чистоты, был подвергнут критике за утверждение культурного превосходства высших кастовых групп, оправдывающих их экономическое и политическое могущество. Дискурсивное понимание касты как индуистской социальной системы управления ритуальной чистотой и загрязнением является недостаточным также потому, что оно не может объяснить современные пространственные практики стигматизации и кастового определения труда в различных религиозных группах за пределами индуистских.

Дискурсивный подход рассматривает касту и религию как эпистемологически различные категории и как различные сферы. Эта эпистемическая бифуркация возникает благодаря колониально-националистической генеалогии. В этом дискурсе каста

>>

позиционируется как «внутренняя» категория, описывающая структуру нации и ее политики, а (религиозное) меньшинство как «внешняя» категория, относящаяся к вечной исламской идеологии или адаптация к локальному социальному контексту. Согласно этой генеалогии «меньшинство» - это категория синонимичная обозначению религиозной сферы, которая возникает после утраты кастового деления. В колониально-националистической генеалогии каста и религия производятся как социальные сферы, которые концептуально различаются по статусу от категорий политики и экономики, таких, как класс и способ производства. Эта генеалогическая бифуркация касты и религии как несоизмеримых социальных категорий является результатом колониальной классификации индийского общества, разделяющей его на такие четко выделяемые группы, как индуисты, мусульмане и христиане. Посему теоретизирование касты и религии остается иммунным для эффектов капиталистической урбанизации. Эта бинарность, однако, не выдерживает проверки практикой, поскольку неиндуистские группы, включающие христиан и мусульман, в той же мере подвергаются стигматизации за выполнение «загрязняющих» работ. Стигматизированный труд не только определяет судьбу индивида, но и делает онтологически нечистым сообщество, к которому он принадлежит. Эта онтологическая нечистота отличается от временной неприкасаемости, которая распространяется на такие «чистые» касты как брахманы, для которых состояние нечистоты является временным и обратимым с помощью ритуального очищения.

Гегемонная социология не может объяснить современные практики кастового труда из-за своей приверженности линейной модели социального изменения, которая имплицитно присуща теориям модернизации. Этот подход не работает, поскольку экономическое и социальное развитие не трансформирует закрытую систему иерархии и не заменяет ее открытой системой социальной стратификации, построенной на индивидуальной мобильности. Вместо этого урбанизация и капиталистическая экономика привели к институционализации касты, особенно в департаментах уборки территорий в индийских городах.

> Стигматизированный труд и отказ от производства дисциплинирующих категорий

Отдел уборки территории в муниципалитете колониального Бомбея использовал, например, просторечный термин *kutchra* для обозначения городского мусора, который считался результатом местных тропических условий и местных трущоб, и требовал местных этнических решений. Затем администрация города стала использовать для санитарных работ персидский термин *halalkhore*. *Halalkhore* обозначает мусульманских работников, принадлежащих к низшим кастам, на которых не распространяются запреты на какую-либо еду. Муниципалитет также нанимал для уборки городского мусора индуистов, христиан и мусульман, которые прежде относились к «неприкасаемым» кастам, «традиционными» занятиями которых были уборка, мойка, забой животных. Рекрутирование по кастовому признаку закрепляет кастовую идентичность за трудом по уборке мусора. Этот блок основан на утверждении, что загрязнение является воплощением кастовой идентичности. Все это приводит к закреплению различий между кастовым трудом и оплачиваемым трудом, который выполняется как часть экономической транзакции.

В Деонаре, месте, где расположена самая большая и старейшая свалка Мумбая, построенная колониальным правительством 1899 году, неформальным трудом по сбору мусора занимаются Матанги - представители индуистской подкасты неприкасаемых, а также бизарские мусульмане-неприкасаемые. Различить мусульманских и индуистских далитов-сборщиков мусора крайне затруднительно. Члены обеих общин возвращаются со свалки, неся на спине белые пластиковые мешки, наполненные полиэтиленовыми покрытиями, стеклянными бутылками, старыми башмаками и подержанной одеждой. Каждый несет 4-5 мешков того, что они называют *maal* (буквально – добыча или ресурс) и металлический серп, - *akdi* – чтобы рыться в мусорных кучах. На головах у них закреплены фонарики, на толстые башмаки натянуты носки, защищающие обувь от порезов разбитого стекла и грязи. Обычно здесь работают с эксцессами капиталистической культуры накопления и выбрасывания, которые с помощью представлений об уничтожении отходов и омерзению, вызванному «плохим» запахом и визуальной неприглядностью места, создают свалки как сегрегированные соседства.

Мое этнографическое описание показывает, что такая модель урбанизации связывает понятия касты и религии. Это подтверждается историей поселений далитов и мусульман, заселивших пространства вокруг свалки в Деонаре, которая была запланирована как опасная зона, предназначенная для локаций «загрязняющих» отраслей промышленности. Так, например, на генеральном плане города 1947 года эта территория обозначена как *kutchrapatty* (пояс отходов); сюда были переселены представители рабочего класса - далиты и мусульмане. Таким образом стигма участвовала в производстве капиталистической урбанизации, усиливая пересекающиеся идентичности, основанные на кастовой и религиозной принадлежности.

Я понимаю стигму как телесно воплощенный опыт отвращения и дискомфорта, когда объект, личность или место порождают ощущение тревоги. Каста рассматривается как один из вариантов социально-политических практик стигматизации, которая символически выражает системы упорядочивания и классификации, определяя понятия загрязнения, заражения и беспорядка. Связь касты и стигмы укрепляется таким образом, что история получает выражение в телесности. Это означает, что грязь и мусор рассматриваются не как объективно существующие феномены, а как культурная категория, которая интерпретируется с помощью практик отношения к расовым, этническим и религиозным меньшинствам как к инаковым («*othering*») по отношению к более широкой социально-политической среде.

Разработка понятия стигмы как социально-политического процесса позволяет разработать более широкую рамку и в корне пересмотреть дисциплинирующие категории касты и религии. Мы должны отказаться от идеи несоизмеримости категорий касты и религии, а осмысливать их в рамках представлений о стигматизированном труде как трансцендентальной, и все же контингентной категории, которая в значительной степени определяется политическими обстоятельствами. Такая задача ставит важный вопрос: в какой степени можно утверждать, что модернизм и урбанизация предполагают универсализацию стигмы? ■

Адрес для связи <shireen@iitd.ac.in>

> Как нехватка данных мешает идентифицировать и предотвращать фемциды

Мирна Доусон, Центр исследований социальных и юридических реакций на насилие, Университет Гуэльфа, Канада, Канадская лаборатория исследования фемцида во имя справедливости и ответственности, член тематической группы МСА «Насилие и общество» (ТГ11) и ИК «Девиация и социальный контроль» (ИК29) и «Женщины, гендер и общество» (ИК32)

Феномен фемцида не является новым. Однако пристальное международное внимание к нему, особенно во время пандемии COVID-19 – беспрецедентен. Параллельно ведутся глобальные дискуссии о том, использовать ли термин «фемцид» для обозначения проблемы, как он должен определяться, чем он отличается от других убийств, и как эти различия можно операционализировать. Ключевой шаг для продвижения дискуссии состоит в том, чтобы систематически документировать отличия убийств женщин от убийств мужчин: идентифицировать относящиеся к полу/гендеру мотивы/признаки (SGRMIs – по английским инициалам соответствующих слов), специфические для фемцида. SGRMIs выявляют связь насилия с мизогинными attitudes преступника, связанными с усвоенными нормами в отношении женщин, включая их подчиненное положение в качестве собственности или объекта для мужского пользования, и дискриминационные предвзятые взгляды и стереотипы.

> Определение и идентификация фемцида

Существуют два подхода к определению фемцида. Первое определение называет фемцидом «все убийства женщин или девочек». Второе определение относит к категории фемцида «убийство интимного партнера», в которое входят убийства женщин их бывшими или настоящими партнерами-мужчинами. Эти подходы позволяют легко определять фемцид, но подвергаются критике за чрезмерное упрощение сложного феномена, так как принимают во внимание только пол/гендер и/или отношения жертва-преступник. Чтобы идентифицировать дополнительные факторы, отличающие убийства женщин и мужчин, мы сравнили убийства женщин преступниками-мужчинами, которые наиболее близки к понятию фемцида, с другими комбинациями пола/гендера.

Мы обнаружили, что SGRMIs более часто встречались в убийствах женщин мужчинами в сравнении с другими убийствами, что означает, что фемциды действительно имеют специфику, помимо пола/гендера или наличия интимных отношений, по крайней мере в канадском контексте. Наиболее часто встречающиеся пред-инцидентные характеристики включают: наличие обращений в полицию, расставание или намерение расставания, угрозы в адрес жертв, интимные/семейные отношения и подготовка к совершению преступления. Наиболее часто встречающиеся инцидентные факторы включают: фемцидные мотивы (напр., ревность), сексуальное насилие, нанесение

увечий, чрезмерное применение силы, и то, что жертвы были оставлены полностью или частично раздетыми. Среднее количество SGRMIs было, в среднем, значительно больше именно в убийствах женщин мужчинами.

> Значительная нехватка данных

Часто данные по ключевым параметрам отсутствовали, что помешало сделать более конкретные выводы и ограничило потенциал для исследований в целях информирования и профилактики. Хотя для некоторых случаев вся необходимая информация была собрана, по всей выборке и для комбинаций пола/гендера консистентность была слабой. В случаях убийств женщин мужчинами, нехватка данных варьировалась от низкой - 3%, когда не был указан возраст жертвы, до 96% в случае насилия над детьми, совершенного преступником. Для некоторых параметров минимальная информация была ожидаемой, но не для SGRMIs, поскольку такие данные релевантны для фемцида. Например, несмотря на то, что расставание является хорошо документированным фактором риска, информация о нем отсутствовала в 66% случаев. Кроме того, информация о сексуальном насилии отсутствовала чаще в случаях убийств женщин мужчинами, чем в других комбинациях, несмотря на его большую вероятность. Нехватка данных была более выраженной для пре-инцидентных факторов, чем для инцидентных.

Мы пришли к заключению, что важно использовать термин «фемцид» для обозначения и различения убийств женщин и девочек, связанных с полом/гендером. Для этого мы используем хештег #CallItFemicide [#НазывайтеЭтоФемцидом] в наших исследованиях, а также в образовательных и просветительских проектах. Мы не можем бороться с социальной проблемой, если мы не признаем её сущности. Однако мы также настаиваем, что необходимо идентифицировать конкретные обстоятельства, связанные с полом/гендером и измерять их последовательно. Очень мало эмпирических исследований ясно могут выявить особенности фемцида из-за недостатка релевантных данных. Наше исследование было уникальным из-за оригинального и постоянного фокуса на фемциде, а также триангуляции информации из нескольких официальных и неофициальных источников. Таким образом, выявленная нехватка данных имеет весьма серьезные последствия: государства и их представители не собирают данные, которые могут помочь развитию инициатив по информированной профилактике фемцида и насилия над женщинами и девочками в целом. Эти перекосы в данных ставят

>>

«Расследования по-прежнему фокусируются на единичных случаях фемцида и оставляют без внимания обстоятельства, которые ему предшествуют»

под угрозу жизни женщин и девочек, что подчеркивает необходимость сделать адекватный сбор данных приоритетной задачей, способствующей профилактике. Концептуализация сбора данных как инструмента профилактики должна начинаться на уровне полицейских расследований, чтобы из разрозненных случаев собирались агрегированные данные лучшего качества. Однако эта задача требует тесного постоянного взаимодействия между исследователями, сообществами и правительством.

Правовые и административные органы не занимаются исследованиями. Тем не менее, они могут научиться у тех, кто ими занимается, обеспечивать доказательные данные. Следователи могут 1) собирать больше релевантной информации; 2) делать данные доступными для исследователей, которые играют ключевую роль в понимании того, как предотвращать и реагировать на насилие. Несмотря на усилия, данные остаются труднодоступными для локального и глобального анализа, особенно в некоторых регионах мира (напр., Южная Африка и Латинская Америка) и для некоторых групп женщин и девочек (напр., для представительниц коренных народов, мигранток, беженок, жительниц сельских и удаленных регионов, женщин с инвалидностями). Для многих стран, базовый сбор данных остается единственным доступным действием. Почему же, когда данные так важны для предотвращения фемцидов и насилия над женщинами и девочками, они не собираются регулярно и систематически?

> «Государственный патриархат» и сбор данных

Мы утверждаем, что одним из ключевых факторов, препятствующих сбору релевантных данных, является историческое и современное влияние патриархатных социальных структур, включая роль исторических и современных руководителей, для которых сбор таких данных не был приоритетом. Эти руководители продолжают действовать как гейткиперы данных,

решая, кто и как может ими пользоваться. Например, система уголовного правосудия – это патриархальная, традиционно маскулиная институция. Этот факт отражается в том, как регистрируются данные полицейских расследований и судебных разбирательств. Несмотря на то, что феминистские исследования показывают важность понимания отношений между жертвами и преступниками при фемциде, наши выводы показывают, что фокусом расследований – как видно в имеющихся данных – является само событие, а не контекст отношений и сопутствующих обстоятельств, учет которых необходим для понимания фемцида.

Эффекты такого «государственного патриархата» и связанных с ним решений производят искажения в данных по полу/гендеру и, намеренно или нет, ставят женщин и девочек в ситуацию риска, потому что эти данные изначально были основаны на показаниях мужчин или же произведены мужчинами. Инструменты сбора данных, изначально придуманные, чтобы определять убийства мужчин мужчинами, препятствуют сбору важных данных, необходимых для предотвращения мужского насилия над женщинами и девочками. Если мы не можем надежно документировать фемцид, как мы можем надеяться на документацию других форм мужского насилия против женщин и девочек? Мы не можем этого сделать, пока государство и общество не признает фемцид феноменом, достойным изучения. Это требует проблематизации укоренившейся иерархии «достойных субъектов», которая часто оставляет невидимой виктимизацию женщин и девочек, и особенно женщин и девочек, принадлежащих к уязвимым группам. ■

Адрес для связи: <mdawson@uoguelph.ca>

Дальнейшее чтение по теме:

Недавно опубликованную статью автора по теме можно найти [здесь](#) на английском и [здесь](#) на французском языках.

> Расизм и анти-энвайронментализм в политике США

Иан Карилло, Университет Оклахомы, США, член ИК МСА «Экономика и общество» (ИК02)

Город-спутник в тени угольного комбината Джона Э. Амоса, Западная Вирджиния. Ист.: Wigwam Jones, CC BY-NC-ND 2.0.

В Соединенных Штатах, в ситуации, когда экологическая несправедливость и изменение климата являются самыми важными угрозами благополучию общества, расизм и превосходство белых остаются центральными препятствиями для разрешения проблем коллективного действия. В своей статье [«The Racial Fix and Environmental State Formation»](#) [Расовая фиксация и формирование государства-защитника окружающей среды], недавно опубликованной в *Current Sociology*, я описываю отношения между расизмом и анти-энвайронментализмом в политической экономике США. Я утверждаю, что расовая политика занимает центральное место в политической экономике, где производится политика в отношении окружающей среды.

Связка расизма и анти-энвайронментализма в этой политической экономике – это то, что я называю «расовой фиксацией», отсылая к идее расы и расизма как механизмов, которые противодействуют силам, способным замедлить или обратить вспять разрушение экологии. В частности, индустриальная элита и правительство используют расизм, чтобы разделять и подрывать любую коллективную мобилизацию, которая может

представлять угрозу их погоне за властью и прибылью.

> Пространственное измерение расовой фиксации

В США, расовая фиксация проявляется в трех основных измерениях. Первое измерение – пространственное, в результате которого отношения между расой и пространством определяют, какие популяции будут нести ущерб от изменения климата. Вопросы о том, как раса определяет, кто и где будет жить в США, носят фундаментальный характер. Американская политика иммиграции исторически отдавала предпочтение мигрантам из Европы и была направлена на то, чтобы достичь постоянного белого большинства в США. Историческая и современная расовая сегрегация в городских, пригородных и сельских местностях выражается в том, что паттерны расселения были и остаются расиализованными.

Расизм, который создает сегрегацию по районам проживания и иммиграцию, имеет последствия для экологической справедливости. Сегрегированные цветные сообщества становятся местами сброса ненужных отходов и других опасных видов де-

>>

ательности, тогда как сообщества, в которых преобладает белое население, пользуются более экологичными условиями и удобствами. Одновременно, белое большинство не позволяет цветным сообществам использовать демократические способы разрешения проблем окружающей среды.

> Расовая фиксация в политике

Второе измерение расовой фиксации – политическое. В США демократические институты дают преимущество белому населению и создают трудности для цветного. Это происходит из-за укорененности расизма в политическом развитии США и в современных сдвигах американской политики. Например, Коллегия выборщиков – члены которой выбирают президента – была основана, чтобы защитить интересы индустрии торговли и ограничить народное участие в демократии. США стала расово инклюзивной демократией только в 1965 г., но с тех пор политики-расисты стабильно пытаются ограничить политические права цветных людей. Эти политики продвигают меры массового тюремного заключения, которые касаются в первую очередь цветных людей и лишают их прав. Одновременно, они принимают законы по ограничению избирательных прав, основанные на расистском мифе о том, что цветные люди и иммигранты участвуют в фальсификации голосов. На структурном уровне, политические институты сохраняют искажения, дающие преимущества белым. Политические предпочтения белых избирателей (особенно из сельских местностей) доминируют в Палате представителей, Сенате, Коллегии выборщиков и Верховном суде, судьи которого назначаются сенаторами и президентом. Последствия этих структурных привилегий белых абсолютно очевидны: недавно Верховный суд уничтожил Закон об избирательных правах 1965 г., избирательные округа переустраиваются таким образом, чтобы давать все больше веса голосам белых консервативных избирателей, а Конгресс не может ничего противопоставить антидемократическим трендам в легислатурах штатов.

Политический аспект расовой фиксации является критическим для политики защиты окружающей среды, так как большинство расистских политиков также придерживаются анти-экологических взглядов. С этой точки зрения, расизм – это инструмент блокировки создания таких публичных благ, как справедливая и стабильная окружающая среда. Это похоже на политику «собачьего свистка», когда политики используют расово-заряженный язык чтобы демонизировать цветных людей и лишить легитимности правительственные программы. Изначально такая политика фокусировалась на программах социального обеспечения, но со временем стала распространяться на законодательство в сфере окружающей среды. Таким образом в attitudes консервативных политиков, судей и избирателей, чьи взгляды структурно доминируют в политике США, наблюдается устойчивое сочетание расовой неприязни и враждебности к защите окружающей среды.

> Расовые политики идентичности и индивидуальная психология

Третье измерение расовой фиксации касается соотношения расовой политики идентичности и индивидуальной психологии. Это отношение центрально для формирования общественного восприятия правительственных программ по защите окружающей среды и климата. Несколько тенденций последних десятилетий усиливают связь между белой политической идентичности и анти-экологической позицией. Во-первых, после избрания Барака Обамы в 2008 г., консервативные лидеры и политики стремились лишить легитимности его политику, маркируя его как этно-расового и религиозного «другого». Эти усилия подготовили белых избирателей не только к отторжению закона о доступной медицинской помощи, но также и Парижского соглашения по климату и вообще Агентства по защите окружающей среды. Во-вторых, консервативные лидеры разожгли расовую тревогу белых, связанную с изменяющимися демографическими трендами, согласно которым белые больше не являются большинством населения. Например, известные анти-экологические политики, подобно Дональду Трампу, выиграли в политической конкуренции, раздувая пламя нативизма, расизма и страха перед «вытеснением белых». Такие расистские усилия обращаются к базовым эмоциям страха и групповой угрозы, соединяя индивидуальную психологию с политической экономией, направленной на то, чтобы оставить нерешенными проблемы климата и окружающей среды.

В центре этой политической экономии находятся промышленные элиты и правительства, которые используют расизм, чтобы препятствовать любым коллективным действиям, которые могут привести к защите окружающей среды и климата. Эта стратегия элит уходит корнями глубоко в историю США. Например, после Восстания Бэкона – мультирасового рабочего восстания 1676 г. – элиты приняли расовые законы, которые разделяли белых и черных рабочих, таким образом создавая препятствия для будущей межрасовой солидарности рабочих. К сожалению, современные элиты продолжают использовать рецепты из книги «Разделяй и властвуй», поддерживая экологическую и климатическую несправедливость. Подобно тому, как проекты прошлых элит разрушали общественные блага, эти усилия в первую очередь наносят вред цветным людям, но в определенной степени также негативно отражаются на жизни белых людей. Дестабилизация планеты, вызванная экологической несправедливостью и изменением климата, показывает, как превосходство белых подрывает их собственные материальные условия и пожирает своих собственных сторонников. Чтобы сохранить окружающую среду и климат для будущих поколений, необходимо нейтрализовать расовую фиксацию, восстановить и поддержать пострадавшие цветные сообщества, и учредить четкие климатические и экологические программы, основанные на расовой и классовой справедливости. ■

Адрес для связи: <icarrillo@ou.edu>